

№ 7.

1 ноября 1918 г.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО.

Двухнедельный журнал

СОДЕРЖАНИЕ № 7.

1. *А. Гейхорд*. Первый кодекс законов Р. С. Ф. С. Р.
 2. *А. Удальский*. Основные начала земельного права.
 3. *Д. Турецкий*. Гарантии правосудия и правосудие без гарантий.
 4. *А. Мельничук*. Адвокаты — правозаступники — судьи-ассистенты.
 5. *Н. Сиврагов*. К вопросу об организации общих мест заключения.
 6. *Биография*.
- Официальный отдел.** Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. — Раздел. IV. — Опекунское право.

Издание Народного Комиссариата Юстиции.

МОСКВА,
1918 г.

Юридическое Книгоиздательство
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ

МОСКВА, площадь Революции (бывш. Воскресенская) № 1а.

„Пролетарская Революция и Право“ № 1	3 р. — к.
„ „ „ „ № 2	2 р. 50 к.
„ „ „ „ № 3-4 (конституционная книжка)	3 р. 50 к.
„ „ „ „ № 5-6	3 р. — к.
„Собрание Узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства“ — подписная цена на 1918 г. с 1 января по 31 декабря	35 р. — к.
Цена отдельного номера	— р. 35 к.

Материалы Народного Комиссариата Юстиции

выпуск I (распродан)	2 р. 50 к.
„Народный Суд“ выпуск II (распродан)	3 р. — к.
„Народный Суд“ „ III (распродан)	3 р. — к.
„Народный Суд“ „ (Уст. Гражд. Судопр., сост. А. Г. Гойхбарг)	2 р. 50 к.
„Декреты о наследовании и дарении“	— р. 75 к.
„Книга записей браков“ 800 стр. в переплете	48 р. — к.
с пересылкой по почте	53 р. 15 к.
„Сборник статей Пролетарская Революция и Право“	3 р. — к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- „I-ый кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве“
со вступительными статьями: А. Г. Гойхбарга: Первый кодекс законов Р. С. Ф. С. Р. и З. Теттенборн: Введение.
- „Пролетариат и право“ — Сборник статей А. Г. Гойхбарга.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО.

Двухнедельный журнал

№ 7.

Издание Народного Комиссариата Юстиции.

МОСКВА,
1918 г.

Первый кодекс законов Р. С. Ф. С. Р.

Не прошло еще и года, не отпразднована еще годовщина пролетарской октябрьской революции. За этот короткий срок пролетариату российской социалистической республики пришлось напрячь все свои силы для отражения неслыханных и ожесточеннейших нападений извне и изнутри. Но, ведя эту яростную оборонительную борьбу против всего мира врагов своих, пролетариат России нашел в себе достаточно сил и для творческой созидательной работы в направлении осуществлений социализма. За этот короткий срок сделано так много, гораздо больше, чем удавалось сделать другим классам, в несравненно лучших условиях, за многие годы и десятилетия. Стоит перелистать „Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства“ и можно с изумлением и с радостью убедиться в этом. Сделано так много за эти немногие месяцы, что можно уже попытаться объединить разбросанный в отдельных декретах материал, дополнить пробелы, извлечь основные революционные и социалистические начала, развить их дальше и дать более или менее систематическое и законченное регулирование соответственных отношений, дать кодексы, систематические книги законов Российской Социалистической Федеративной Республики, законов, правда, не социалистических, потому что в упрочившемся социалистическом строе эти законы окажутся излишними, а пролагающих, облегчающих и сокращающих путь к социализму.

Один кодекс таких законов, законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве уже принят Ц. И. К. Советов 16-го Сентября. Другие—подготовлены и готовятся к рассмотрению. В числе первых намечен к проведению кодекс законов о труде.

Разумеется, издавая кодексы законов, пролетарская власть, насаждающая социализм, не хочет делать этих кодексов чем то на весьма долгое время рассчитанным; она не хочет создавать „вечных“ кодексов или кодексов, которые просуществовали-бы века; она не хочет подражать буржуазии, стремившейся закрепить свою власть при помощи таких вечных кодексов, которые и на самом деле просуществовали (как напр. прусский кодекс с 1794 по 1900 г.) или продолжают

существовать более века (как напр. французский кодекс 1804 г. или австрийский 1811 г.)

Пролетарская власть строит свои кодексы, как и все свои законы, диалектически, строит их так, чтобы каждый день их существования подрывал необходимость их существования в виде законов власти; ставит целью своих законов сделать излишними законы, подобно тому, как философ Фихте ставил целью существования всякого правительства—сделать правительство излишним. Так, напр., советская конституция, построенная на началах политического единовластия, политической диктатуры пролетариата, — построена так, что каждый день ее существования, каждый день ее применения, разбивая сопротивление и организацию классов прежних угнетателей и сплачивая бывший угнетенный класс, организуя хозяйство на социалистических началах, уменьшает необходимость существования этой конституции, уменьшает необходимость принудительного единовластия пролетариата и самой принудительной политической власти вообще.

Точно также и все другие законы и кодексы пролетарских законов должны быть построены так, чтобы каждый день их существования сокращал переходное время от прежнего строя к социалистическому и чтобы таким образом каждый день их существования энергично подтачивал их существование.

Пролетарская власть не может, следовательно, желать, чтобы ее кодексы, ее своды законов носили такой характер, отличались такой каменной неизменностью, как прежние своды законов, косность которых позволила поэту Шелли (в поэме „Ченчи“) охарактеризовать одного из своих героев:

..... „Точно камень он,
Глухое изваяние, Свод законов,
Устав церковный, а не человек.“

Пролетарская власть ясно сознает, что ее кодексы должны быть недолговечны, что они создаются только для переходного короткого времени, которое она страстно стремится всячески сократить. Но это переходное время неизбежно, без него не обойтись, его можно известными мерами стремиться сократить, но через него нельзя перескочить. И весьма часто радикальное на первый взгляд желание совершить прямой скачек в будущее на самом деле оказывается шагом на месте или скачком назад.

Необходимо, однако, добавить, что не все содержание кодексов пролетарской власти станет излишним с окончательным водворением социалистического строя. В этих кодексах, на ряду с мерами борьбы против старого строя содержатся и целесообразные организационные

нормы, предназначенные выполнять не функции угнетения воли отдельных людей, а функции рационального, разумного учета, организации и распределения материала, сил и средств общества. Эти организационные нормы должны быть сохранены и сохранятся долгое время и в социалистическом обществе, пока они, может быть, превратятся в привычки, инстинкты, бессознательно и автоматически выполняемые, или сделаются излишними в виду того всеобщего изобилия во всех областях жизни человечества, какое создаст социалистическое общество. Несовершенные, быть может, начала таких организационных норм содержатся и в кодексах законов пролетариата. И эти начала обречены не на гибель, а на дальнейшее развитие, на основании того огромного, нового, многообразного опыта, который несет с собой перестройка общества на социалистических началах.

Такие организационные нормы содержатся и в первом кодексе законов Р. С. Ф. С. Р. Отделы, ведущие записи актов гражданского состояния, в частности рождения и смерти, и в особенности центральный отдел, на основании материалов местных отделов, ведущий реестр лиц, ведущий текущую постоянную перепись всего живого населения социалистического государства, — эти организации окажутся необходимыми и в социалистическом обществе, в котором постоянный учет всего живого населения, научное выяснение причин смерти, перенаселения или недостаточности прироста населения и устранение этих причин окажутся гораздо более необходимыми, чем в прежние времена. Быть может очень скоро содержание этих записей придется изменить (эта мера в кодексе уже сейчас предоставлена самому центральному отделу, который должен будет сосредоточить в себе лучшие научные силы статистики). Быть может, через очень короткое время можно будет вычеркнуть целый ряд записей, напр. о регистрации браков, отсутствующих, перемене фамилий, если вместо фамилий будет введены более рациональные, более разумные различия отдельных людей. Быть может, очень скоро опыт социалистического строительства выдвинет целый ряд новых, подлежащих регистрации актов не гражданского, а человеческого состояния. Но все же указанные организации и их функции будут видоизменяться, суживаться или расширяться, а не исчезнут окончательно.

Или возьмем другую область — опекуновское право. Опека в настоящем кодексе сосредоточена в отделах социального обеспечения. Прежняя опека наша была учреждением феодальным, средневековым, учреждением сословным. Каждое сословие — дворяне, мещане, духовенство и крестьянство — имело свои отдельные опекуновские учреждения и своих сословных опекунов. Но и в Европе, где опека вообще стала уже бессословной, опекуновские учреждения не заведуют непо-

средственно опекой; опекой ведают большею частью близкие родственники, возможные наследники, которые поэтому главным образом назначаются только к имущим богатым подопечным. Эти опекуны должны заботиться о своих подопечных, должны заменять в каждом отдельном случае недостающих отца с матерью, хотя не обладают отцовским или материнским чувством любви к подопечным, хотя во многих случаях, они, как наследники, прямо заинтересованы не в сохранении жизни, а в скорейшей смерти детей, умалишенных и т. д., отданных на их попечение.

Если бы у нас уже окончательно воцарился социалистический строй, мы должны были бы отеческую заботу о детях заменить без всяких изъятий общественной заботой о них. Но мы живем в переходное время. Социализма в законченном виде у нас нет. Поэтому приходится применять меры промежуточные, но такого сорта, чтобы они могли послужить основой для всеобщего социального, общественного попечения о недостигших нормальной трудоспособности или ее потерявших. Покуда существует еще индивидуальная семья, дети, находящиеся на попечении своих родителей, по общему правилу, не отдаются под общественную опеку (если не считать обязательного обучения и т. п. мер). Но зато все дети, лишенные родительского попечения, без всякого отношения к тому, есть ли у них имущество или нет, богаты ли они или бедны, отдаются под опеку, отдаются на попечение государственно-общественных учреждений, отделов социального обеспечения, которые осуществляют эту опеку, принимают все нужные меры попечения, по преимуществу непосредственно и могут лишь передоверить в отдельных случаях свои функции отдельным лицам, назначая их опекунами либо к отдельным подопечным либо к целым группам их. Организация опеки, следовательно, так построена, что она, на расширенной основе, т. е. с распространением ее функций не на часть, а на всех нуждающихся в социальном общественном попечении лиц, может быть сохранена и в окончательно упрочившемся социалистическом строе. Она должна, кроме того, в настоящее переходное время играть воспитательную, показательную, образцовую роль должна показать родителям, что общественный уход за детьми дает гораздо лучшие результаты, чем частный, индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход отдельных „любящих“, но невежественных родителей, не обладающих теми силами, средствами, способами, какими обладает общество; она должна таким образом отучить родителей от той узкой и неразумной любви к детям, которая выражается в стремлении держать их около себя, не выпускать из ограниченного круга семьи, суживать их кругозор и создавать из них не членов великого общества, имя которому — человечество, а таких же себялюбивых

вых, как они сами, индивидуалистов, ставящих на первый план свои личные интересы в ущерб интересам общества. Такая организация опеки — революционна, ибо она резко порывает с прежним строем, и социалистична, ибо подготавливает и облегчает меры, которые придется принять в социалистическом строе.

Некоторые другие основные положения этого первого кодекса, напр., о брачном праве, могут на первый взгляд не показаться социалистическими в только что указанном смысле. Особенно резкие нападки при обсуждении этого кодекса были сделаны на институт регистрации брака перед гражданской, светской (советской) властью. Регистрация брака, казенный брак — какой же это социализм, кричали нам. Никакой регистрации не надо. Действительно, в социалистическом строе, говоря словами Каутского (см. его „Размножение и развитие в природе и в обществе“, немецк. изд. стр. 255), законное сковывание мужа и жены становится излишним“. Но так обстоит дело в упрочившемся социалистическом строе. А мы живем в переходное время. И тут то обнаруживается, что, как сказано выше, радикальное на первый взгляд желание совершить прямой скачек в будущее на самом деле оказывается шагом на месте или скачком назад.

Мы не должны забывать не только того, что мы живем в переходное время. Мы не должны забывать и того, что пролетариат в России выступил тогда, когда буржуазия уже перестала быть, из страха перед ним, революционным классом, когда она готова была мириться со всеми пережитками феодального средневековья; что пролетариату приходится поэтому совершать целый ряд революционных переворотов, которые должна была совершить буржуазия, что пролетариат должен вести ожесточенную борьбу не только с ней, но и, вместо нее — с остатками (у нас очень большими) добуржуазного строя. В России пролетариату пришлось впервые отнять у церкви и религии ее государственное значение. И кто из социалистов может и станет спорить, что освобождение населения из под власти духовенства, религии и церкви есть задача не только революционная, но и социалистическая в смысле облегчения восприятия этим населением идей социализма, не мирящегося с сверхъестественным и потусторонним, а изгоняющего это сверхъестественное, божественное и потустороннее из последних уголков, куда оно забивается (из философии, истории и т. п.) А что же нам предлагали взамен регистрации брака пролетарской властью? Никакой государственной регистрации не нужно, говорили нам, а соблюдение религиозных обрядов и церемоний допускается при желании обоих вступающих в брак. Иными словами, предлагали вместо борьбы с церковным браком (божественным таинством) оставить все по старому, оставить только один вид гласного брака, церковно-религиозный. Вот

каким образом предложение, радикальное на словах, оказывается реакционнейшим на деле...

Но брачное право кодекса не только орудие борьбы с религиозно-церковными влияниями на население. Оно революционно и социалистично. Оно резко порывает не только с прежним старым строем наших добуржуазных брачных отношений. Оно устраняет все патриархально-феодальные помехи к браку—разноверие жениха и невесты, религиозные запреты вступать в брак и т. д. Оно устанавливает, насколько это зависит от норм брачного права, полное равноправие мужчины и женщины. Оно освобождает женщину, насколько возможно ее освобождение в переходное время до окончательного упрочения социалистического строя, и тем самым делает женщину восприимчивее к идеям окончательно освобождающего ее социализма. Оно не ставит целью брака рождение детей. Основа семьи—не брак, как было прежде, а действительное происхождение. Не только опекуновское право, но и брачное право, отделено от права семейного. Оно устанавливает полную свободу разводов, не провозглашая таким образом брака учреждением пожизненным. Одним словом, всякий день существования таких законов о браке подрывает (насколько это вообще может закон) идею индивидуального брака, „законного сковывания мужа и жены“.

В области семейного права наш первый кодекс отбрасывает всякие фикции, ставит на первый план действительное положение вещей, действительное происхождение, приучает людей к правдивости, освобождает их от предрассудков, не на словах, а на деле уравнивает в правах всех детей, без различия их происхождения, устанавливая для них легкую возможность это равноправие осуществить.

Каутский в том же месте, которое мы привели выше, говорит: „До тех пор пока сохраняется товарное производство, законное привязывание мужчины к семье всегда будет доставлять лучшие экономические условия для воспитания детей, чем безформенная, в любое время по воле одной из сторон расторгимая половая связь, не налагающая на отца никаких обязанностей или же налагающая на него обязанности только минимальные. Это положение вещей изменится лишь тогда, когда будет установлено общественное производство, и место отеческой заботы о детях займет общественная забота о них. Вместе с тем законное сковыванье мужа и жены станет излишним. Правда, капиталистическое общество сумело сделать это сковыванье невыносимым и во многих случаях невыполнимым, но отнюдь не излишним.“

Мы живем на перевале между капиталистическим и социалистическим обществом. И кодекс переходного времени подготавливает, поскольку это от него зависит, те условия, при которых сковыванье

мужа и жены станет совершенно излишним. С одной стороны он необычайно облегчает расторжение в любое время, по усмотрению одной из сторон, даже официально зарегистрированной любовной связи. Но с другой стороны, одинаково, как при такой, так и при „безформенной“ связи, на отца возлагаются равные и отнюдь не минимальные обязанности по отношению к детям. Полное уравнивание в правах всех детей, без различия их происхождения, является, кроме того, подготовительной социально-психологической мерой для распространения на всех детей социального попечения, мерой, подготовляющей социалистический строй в этой области, отнимающей последнюю почву у мещанского брака с его привилегиями, узким семейным своекорыстием, патриархальной замкнутостью и ограниченностью.

А. Г. Гойхбарг.

Основные начала земельного права.

В 1905 году Каутский указал, что русская революция будет иметь резко выраженный земельный характер. Действительность вполне это подтвердила. Не только процесс развития революционного движения в России совершался и продолжает совершаться на почве земельных отношений, но, вместе с тем, самые крупные завоевания революции, как фактические, так и правовые, осуществляются именно в этой области, и самые решительные и бесповоротные удары наносятся институту земельной собственности.

С изданием декрета 20 августа „об отмене права частной собственности на недвижимость в городах“, восполнившего „декрет о социализации земли“, революционным правотворчеством охвачена вся совокупность правовых отношений, связанных с землей.

Декрет о социализации земли, этот первый опыт революционного правотворчества, в силу исторической обстановки его издания, отличается декларативностью своих положений и, нормируя весьма сложные и разнообразные бытовые земельные отношения, страдает недостаточной конкретностью, что влечет за собою, при применении его на местах, возникновение целого ряда спорных вопросов, неправильного понимания и извращения его революционного смысла.

Декрет 20 августа, являясь, несмотря на свою скромную юридическую внешность, актом не меньшего революционного значения, чем декрет о социализации земли, и, становясь, вместе с последним, одной из основ социального строительства Новой России, имеет то преимущество, что, с одной стороны, он в меньшей степени носит декларативный характер, а наоборот направлен на достижение определенного юридического эффекта, а с другой стороны, те общественные отношения, которые он должен регулировать, не обладают той сложностью и разнообразием, каким отличаются земельные отношения в деревне. Несмотря на различие общественных отношений в городе и в деревне, оба эти закона оказались тесно связанными друг с другом, вопреки, может быть, даже намерениям их авторов, и создали правовые основы, не двух различных институтов, для города и для деревни, а одного общего. Нормы одного из этих законов могут быть коррективом для другого, восполняя его и разъясняя смысл его спорных положений.

Теоретические споры о социализации, национализации и муниципализации земли, при перенесении их на почву практического применения, на почву живой действительности, превратились в спор о словах, юридическое же существо всех этих трех понятий на практике оказалось единым.

Исходным положением указанных законов является отношение их к существовавшему институту земельной собственности и в этом отношении, несмотря на все различия в терминологии, в редакции, оба закона оказались вполне согласованными друг с другом по существу.

Декрет о социализации земли, отменяя в ст. 1 „всякую собственность на землю“, уничтожает институт земельной собственности, как таковой, исключает понятие собственности, как таковое, из сферы земельных отношений. Здесь даже не может возникнуть вопроса о переходе права собственности от частных лиц к кому бы то ни было — к государству ли, к отдельным его частям, учреждениям, общинам; и декрет, говоря в ст. 2 о переходе земли ко „всему трудовому народу“ с одной стороны, указывает на переход земли исключительно в пользование, с другой стороны — пользуется хотя и революционным, но не имеющим ни юридической формы, ни юридического содержания понятием „всего трудового народа“, понятием, которое в сферу правовых отношений ничего внести не может.

По „декрету о социализации земли“, права земельной собственности не существует и из правовой жизни народа вычеркивается даже юридическое понятие такого права.

Декрет 20 августа, хотя и не говорит столь резко и определенно об отмене всякой собственности на землю и пользуется термином „права частной собственности“ (ст. 1 Декрета от 20 августа), тем не менее, он точно также порывает с институтом земельной собственности.

Отменяя „право частной собственности“ на городскую недвижимость, (кроме строений в городских поселениях с населением менее 10.000 ч.), не только „принадлежащую частным лицам,“ но и „ведомствам и учреждениям“ этот закон понятие „частной собственности“ употребляет не в значении собственности, принадлежащей частным лицам, но в значении всякой отдельной собственности, всякого отдельного права, кому бы оно ни принадлежало, что в действительности приводит к отрицанию права собственности и даже исключает самое понятие таковой.

Таким образом, оба декрета, составляя один общий закон с разграниченной сферой применения, с одинаковой юридической силой, уничтожают институт земельной собственности, как в городе, так и в деревне и не делают различия между „социализацией“ и „муниципализацией“.

Буржуазные юристы не дают положительного определения права собственности, а определяют его отрицательным путем, и для них „essentialia“ существенный элемент права собственности заключается не столько в фактическом отношении собственника к вещи, сколько в „исключительности“ этого права, в устранении всякого, кроме собственника, от вмешательства в сферу собственности.

Буржуазное правосознание конструирует право собственности, абстрагируя его от содержания, от тех его составных элементов, которые в буржуазном обществе так реально дают себя чувствовать, и превращает этим путем право собственности в голый, но священный „justus titulus“, в таинственный фетиш, скрывающий свою классовую физиономию под покровом „абсолютного“ права. Ныне понятие права собственности в отношении земельной поверхности и вообще недвижимости исключается, как таковое, из области правовых понятий и не может быть основанием каких бы то ни было правовых отношений. Отдельные его элементы — пользование и распоряжение, притом как фактические отношения лиц к недвижимости, а не как взаимные правовые отношения людей между собой, возникающие в связи с недвижимостью, сохраняются, но все, что сверх того, что стоит как бы выше этих фактических отношений и может быть даже отделено от них, отмечается и исчезает как ненужный пережиток.

Понятие права собственности оказалось столь чуждым социалистическому правосознанию, что последнее изъемя это право от частных лиц, даже не передает его коллективу, а отбрасывает проч. Оно не нуждается в „таинственных“ правовых покровах для сокрытия реальных общественных отношений и понимает право на землю, не как „абсолютное“ право, под коим скрыта классовая эксплуатация, а как реальное использование земли трудящимся, и земельное право — как организационно-технические нормы, регулирующие порядок распоряжения и пользования землею.

Объектом земельного права, установленного революцией, является: 1) земельная поверхность и 2) строения.

Вне городских поселений, где использование земли совершается почти исключительно в виде эксплуатации непосредственно ее поверхности, где эксплуатация эта является основой хозяйственной деятельности массы трудящихся, причем формы, способы и условия этой эксплуатации крайне сложны и разнообразны — реальные интересы деревенского населения сосредоточены вокруг пользования земельной поверхностью.

В городских поселениях, где используется не столько земельная поверхность, сколько воздвигнутые на ней строения, где производительная деятельность массы трудящихся заключается в промышленно-

сти и торговле, а не в эксплуатации этих строений, которые являются лишь вспомогательным средством экономической жизни и пользование которыми совершается почти однотипно, как помещений для жилья, складов и т. п. — реальные потребности городского населения выражены в т. н. жилищном вопросе и их удовлетворение заключается в надлежащем распределении помещений, в экономически-целесообразном распоряжении ими.

В соответствии с этими экономическими и бытовыми условиями, исходным положением „декрета о социализации земли“, нормирующего земельные отношения в деревне, является пользование земельной поверхностью (ст. 2 и 4 Декрета), и ему, главным образом, посвящено содержание декрета.

Нормы декрета 20 августа, наоборот, направлены не столько на регулировку пользования землей, сколько имеют в виду порядок распоряжения городскими недвижимостями (строениями) (ст. 5 Декрета 20 авг.)

В первом случае, выявляется техническое назначение правовых норм, во втором-организационное.

В институте права собственности, по самому существу его заложено начало экономической обособленности отдельной хозяйственной единицы, ее отграниченности от остальных, составляющих производственный коллектив.

Буржуазное общество „распадается на независимых друг от друга индивидуумов, производство которых является уже не общественным, а их частным делом. Они — частные собственники вынуждены развитием разделения труда вступать во взаимные отношения; акт, в котором они это делают есть обмен их продуктов. Здесь в обществе, частной собственностью разбитом на атомы, только этим актом и устанавливается связь“.¹⁾ В соответствии с этим, правопорядок буржуазного общества основан на институте частной собственности, выражающем обособленность хозяйственных единиц, и на договоре, связующем эти единицы.

Социалистическое правосознание, исключая институт права собственности и договорное начало в соответствии с потребностями экономической структуры социалистического общества, из обломков права собственности создает институт распоряжения и подводит новые основы под право на пользование хозяйственными благами. В буржуазном обществе обладателям прав, управомоченным субъектам соответствуют такие же индивидуальные носители обязанностей, и эта сеть перекрещивающихся прав и обязанностей составляет буржуазный право-

¹⁾ Гильфердинг, Финансовый капитал, русск. перевод, 2 издание, стр. 18.

порядок. Здесь всякий обладатель права находит соответствующее лицо, которое в отношении него является носителем обязанности или в силу того, что он собственник, или в силу договора, или в силу нарушения этим лицом его права и т. п. Обладатель права обращается с требованием к обязанному, приобретает власть над ним, заставляет его служить себе и этим путем реализует свое право.

В социалистическом обществе не может быть речи о такой индивидуальной связи отдельных субъектов, о власти управомоченных частных субъектах и о подчинении им обязанных. Социалистическое правосознание разрывает все эти связи, уничтожает правовую зависимость личностей между собою и в каждом правоотношении на одном из его полюсов ставит государственно-общественный коллектив. Здесь уже не может быть правоотношений между отдельными личностями, а только между отдельной личностью и коллективом, причем в сфере одних правоотношений коллектив выступает, как субъект права, в других, — как субъект обязанности.

Если с таким пониманием социалистического правопорядка подойти к праву на пользование хозяйственными благами, то увидим, что „право на существование“, „право на труд“ — на возможность применения его, находит свое выражение в праве пользования хозяйственными благами, и трудящийся становится управомоченным субъектом этого права. Но это право на пользование не дает власти над другими лицами и не создает право-отношений между ними, а только между индивидуальным субъектом права пользования и коллективом, который распоряжается, распределяет хозяйственные блага и обязан дать возможность осуществления этого права. Таким образом, в сфере пользования хозяйственными благами, вся совокупность правоотношений концентрируется в лице государственно-общественного коллектива, как общего носителя обязанностей, вокруг которого располагаются частные субъекты, обладающие правами. В других правовых областях структура может быть обратной, как напр. в области трудовой повинности, где субъектом права, обязывающим всех членов общества к общественно-полезному труду, является коллектив, а носителями обязанностей являются отдельные члены общества.

В. А. Пан в статье „Экономические последствия основного закона о социализации земли“ приравнивая аграрное законодательство 3-го Всероссийского Съезда С. Р. и С. Д. к столыпинской реформе, и, утверждая, что в основу этого законодательства положена „организация земельной площади в порядке землеустройства“ и „центр тяжести распорядительной деятельности переносится в административные органы землеустройства“, жалеет, что „в основу земельного распорядка“ не положены правовые нормы и защита земельных прав граждан не сосре-

доточена в органах, охраняющих существующий правопорядок, т. е. в органах судебного порядка¹⁾) Оставляя в стороне сравнение со столыпинской реформой и терминологию, продиктованные партийным антагонизмом, нельзя не признать, что этими словами вполне правильно формулирован характер аграрного законодательства, но вместе с тем в них сказалась тоска мелкого земельного собственника по „правовой“ независимости мелкой собственности, по судебному иску в защиту этой собственности. Действительно, земля изъята из сферы судебных споров между отдельными субъектами, она не может быть объектом каких бы то ни было частных правоотношений, частных сделок, и из всех земельных прав граждан сохранилось только право трудящегося на пользование землей. Зато в центре всего земельного законодательства поставлен институт распоряжения недвижимостью, по терминологии В. А. Пана „административное землеустройство“, в действительности же—сознательное регулирование органами рабочей и крестьянской власти использования земли.

Декрет о социализации земли источником права частных лиц на пользование землей считает личный труд (ст. ст. 3, 13 и 37), потребность в жилье, необходимость ведения трудового хозяйства (ст. 37) и общественную полезность промышленной деятельности (ст. 20, 26); последнее особенно подчеркнуто ст. 4 и 7 Декрета 20 августа. Но эти основания еще не создают права на тот или другой земельный участок, а лишь общее право на земельный участок в установленном порядке ст. 25 или 26 Декрета о социализации. Такое право никаким частным лицом не может оспариваться, так как оно основано на личных качествах обладателя этого права, независимых от прав других лиц. Поэтому, констатирование наличности этих качеств и оснований для предоставления земли в пользование данного лица является предметом не частного судебного процесса, а предметом рассмотрения органов распоряжающихся землей и распределяющих ее между обладателями права пользования ею (ст. ст. 9—11, 38, 39).

Здесь может возникнуть спор, но не между частными субъектами права и обязанности, а между частным обладателем права пользования землей и публичным носителем обязанности предоставить эту землю в пользование—местным земельным отделом Совета (Примеч. 2 к ст. 39)

С момента фактического осуществления права на пользование определенным участком земли путем его занятия или приготовления к последнему (ст. 40), может произойти столкновение между обладателем права пользования данным земельным участком и третьим лицом; это третье лицо может нарушить право пользователя, но такое столкновение выходит за пределы частного спора о праве и становится наруше-

¹⁾ Сборник „Большевики у власти“, стр. 217.

нием фактического владения и преступлением против постановлений органов власти, т. е. правонарушением публичного порядка, являющимся предметом не частного гражданского спора, а уголовного разбирательства. Других поводов и оснований для правовых конфликтов между частными лицами в сфере пользования землей быть не может, так как право на пользование землей не может ни приобретаться путем каких бы то ни было актов кроме постановления местного Совета, ни переходить от одного лица к другому путем частных волеизъявлений и сделок (Примеч. 3 к ст. 39, ст. 45, 46).

Декрет 20 августа точно также исключает возможность передачи одним лицом другому своего права на пользование недвижимостью и возможность извлечения выгод из этого права помимо личного пользования. Это вытекает из всего характера этого декрета и подчеркнуто в ст. 14, которая даже в отношении государственных учреждений и ведомств исключает возможность эксплуатации ими городских недвижимостей путем сдачи их в наем. Вместе с тем, все правоотношения, возникшие в связи с теми или иными правами в сфере земельной, необходимо считать прекращенными, в силу той коренной ломки, какую произвели земельные законы, разрушив основной институт-право собственности на землю. Ст. 17 Декрета от 20 августа, передавая все права и обязанности, связанные с владением недвижимостями (т. е. с пользованием, а не с правом собственности) и с управлением ими (т. е. распоряжением), органам местной власти, тем самым разрывает все существовавшие в связи с недвижимостью правоотношения и освобождает субъектов прав и носителей обязанностей от их взаимной зависимости, замещая их соответственно органами местной власти.

Уничтожив институт собственности, изъяв правопользование из гражданского правооборота и поставив в центре земельных правоотношений правообязанность органов власти распоряжаться недвижимостями, революционное аграрное законодательство строит земельные отношения на началах публично-правовых, где субъективное правопользование и регулировка его органами власти кладут основы единой производственной коллективности.

А. Яблонский

Гарантии правосудия и правосудие без гарантий.

Буржуазная наука права потратила не мало усилий, чтобы обосновать кажущееся беспристрастие своих судов и доказать их надклассовый характер. Создана была стройная теория гарантий правосудия, при построении которой забывались или умышленно скрывались только два существенных обстоятельства: цензовый состав суда и те нормы, которые должны были гарантировать прежде всего защиту имущих. Это забывалось, о гарантиях же правосудия говорилось много.

По мнению представителей этой науки они сводились: во—первых, к гарантиям для самого судьи в отношении государства и отдельных граждан; во вторых, к гарантиям для государства в отношении судьи и в — третьих, к гарантиям для граждан в отношении суда.

Судья по этой теории должен быть независим от тех, кто его назначает, повышает или переводит, а для этого он должен быть несменяем, если только он не предается сам суду за преступления. Несменяемость должна быть полная: судья не только не может быть лишен должности, но он не может быть понижен в должности, или переведен на другую должность без своего согласия. В Германии в 1876 году, во Франции в 1908 году были изданы особые правила этой несменяемости и, в частности, указан порядок механического повышения судьи в должностях за выслугу лет (три, четыре года).

Независимость должна ограждаться по этой теории также корпоративной юрисдикцией, которой подлежал судья, в случае привлечения его к дисциплинарной ответственности. Корпорация судей в целом, как бы заслоняла судью от карающей десницы государственной власти. Наконец, во имя той же независимости вместо прежнего постоянного председателя вводилось председательство судей по очереди в заседаниях суда. Таковы были важнейшие гарантии для судьи в отношении государства.

Чтобы оградить судью от нападков отдельных граждан, ему предоставлялось право, — в случае нанесения оскорбления на заседании, немедленно вынести суровый приговор (до 5 лет) обидчику, т. е. допускалось в этом случае полное смешение судьи и заинтересованной

стороны в одном лице. Что касается гарантии го ударства в отношении судьи, то кроме пред'явления обвинения в дисциплинарном порядке перед корпоративным судом или обвинения в преступлении перед верховным судом и отставки судьи на этом основании, в случае признания его виновным, теория признавала огульную отставку судей во время политических кризисов (т. е. смены одной буржуазной партии другой) — отставку, так сказать, en bloc, затем намечала целую сеть особых гарантий: кассация решений судьи; выделение особых дел, в которых заинтересованы административные органы, в особую Административную Юстицию до парламентских комиссий включительно; наконец, меры против засилия судейских корпораций. Система гарантий граждан в отношении судьи или суда сводилась к праву граждан требовать пред'явления обвинения в течение ближайших суток (habeas corpus, а также французский закон 1898 года), праву апелляции, т. е. перенесения дела во вторую инстанцию; публичности и гласности заседаний, наконец, участию заседателей. Но при этом участие заседателей допускалось не потому, что они выражали правовые воззрения масс, а именно как корректив против однобокости публичного обвинения в лице прокуратуры.

„Заседатели ограждают суд от политики, они по существу индивидуалисты и чувствуют антипатию к проводникам слишком властной политики. Они проявляют эту тенденцию даже в делах о вознаграждении за отчуждение в интересах государства, тем более политических делах, когда они служат как бы автоматической сдержкой настойчивой деятельности публичного обвинения или самого коронного суда“ говорит Grasserie (De la justice 1914 г.).

От этой теории пролетарская революция не оставила ни одного камня.

Пролетариат, облакая своих представителей исключительной полнотой власти, какой еще не знала история, отказался бы по существу от своей диктатуры, если бы допустил хотя бы в одном пункте, хотя бы для одной отрасли государственного управления, несменяемость того или другого своего представителя. Железная необходимость ускорить процесс социального переустройства общества на коммунистических началах диктует необходимость исключительных полномочий для отдельных представителей Советской власти и, в то же время, исключительная полнота власти таких представителей требует абсолютной свободы отзыва их в любой момент. Диктатура пролетариата может признать только интересы своего класса в целом, подлинный представитель такой диктатуры весь класс в целом, т. е. рабочие и беднейшие крестьяне, организованные в коммунистическую партию и Советы; отдельное лицо, тем паче должностное лицо — всегда исполнитель, даже, когда является наиболее ответственным организатором.

Таким образом, отзыв всякого должностного лица в любой момент — это не только норма пролетарской диктатуры, — это неразрывная составная часть самого понятия диктатуры рабочего класса. Вот почему конституция Советской республики, говорящая в ст. 78, что „избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отзываться его“, или в ст. 35, что „В. Ц. И. К. Советов образует Совет Народных Комиссаров“ ни слова не говорит о поводах отзыва: отзыв во всякое время, по всякому поводу и всякого должностного лица логически вытекает из самой структуры Советской власти. Поэтому ни один декрет о суде и ни один ответственный организатор народных судов на местах не допускал отступлений от этого абсолютного принципа. И мы здесь можем только добавить, что несменяемость судей в буржуазном государстве, существовала, конечно, только как декоративный и декларативный принцип, а богатый фактами опыт сменяемости судей царского и временного правительства у нас слишком в памяти и на виду у всех, чтобы серьезно говорить о нем, как о „реальной“ гарантии правосудия в духе изложенной теории в прошлом. Не лучше, если не хуже обстоит дело и со второй гарантией для судьи, а именно корпоративной юрисдикцией. Если она и существовала на Западе в формах аналогичных „сословной“ организации адвокатуры у нас до октябрьской революции, во всяком случае объем корпоративной защиты судьи от посягательств на его независимость со стороны государственной власти был более чем мизерен: стоило только столкнуться серьезно буржуазному государству с существенным отклонением корпорации от основной линии правительства, чтобы заговорила вся мощь государственной власти, и „засилию“ был положен конец (гарантии государства по той же теории). Для государственной власти, осуществляющей диктатуру пролетариата, еще менее возможно ставить какую либо организацию в положение *status in statu*, тем более отдельную организацию граждан типа „обще демократической корпорации“. Противопоставлять какую либо организацию судей диктатуре пролетариата, осуществляемой советами, невозможно далее и потому, что любой судья может быть отозван во всякое время по усмотрению избравшего его совета, и это право исключает фактически самую возможность корпоративной защиты. Нет места также в самой структуре Народного Суда, состоящего из постоянного судьи и очередных заседателей, сменяемых по сессиям, и для той гарантии независимости судьи, которую теория хотела видеть в отказе от постоянного председательства в судебной коллегии одного лица и замене его очередным председателем коллегии. Народные заседатели, абсолютно уравненные во всех моментах производства дела с постоянным судьей, отправляющие свои обязанности в течение не более шести заседаний, независимы

от какого бы то ни было давления постоянного судьи, предательствующего на заседании только потому, что он технически лучше ознакомлен с процессом.

Для ограждения судьи от оскорблений во время исполнения им своих обязанностей требовалось, чтобы судья имел право немедленно вынести приговор, в случае нанесения ему оскорбления, при чем, в законе устанавливалась высокая норма наказания за этот проступок.

Мотивы такого требования излагаемой теории нужно искать, очевидно, в предположении, что таким путем лучше всего будет обеспечена суровая репрессия во имя достоинства суда и независимости судьи. В Советском законодательстве нет вовсе такой нормы, точно также ни один декрет не предусматривает, кто должен постановить приговор в таких случаях. Объясняется это основной особенностью самой постановки уголовной репрессии в Советском законодательстве. Поскольку в случае нанесения оскорбления судье речь может идти о контр-революционном выступлении, дело может быть передано революционному трибуналу, который не ограничен никакими пределами в области репрессий против контр-революционных выступлений, в то же время Народный Суд не стеснен в своем праве или самому рассмотреть дело в том же заседании или передать его в другой Народный Суд, для которого при отсутствии права пререкания рассмотрение дела обязательно. Такая постановка вопроса во всяком случае обеспечивает несравненно больше суд от оскорбления, если репрессия может служить средством для этого.

Переходим к гарантиям, необходимым, по той же теории, для того, чтобы оградить самое государство от „чрезмерной“ независимости судьи. Требование предания судьи верховному суду за преступление по должности настолько элементарно, что представляет в сущности трюизм: никто не должен быть избавлен от ответственности, раз совершает преступление по должности.

Несколько иное значение имеет отставка судьи во время парламентских кризисов. Здесь вопрос переносится из плоскости бумажных гарантий в область непосредственной политической борьбы, и в такой постановке особенно отчетливо вскрывается истинная подоплека независимости буржуазного судьи: независимость постолько, поскольку он отвечает не только интересам буржуазии в целом, но именно господствующей буржуазной партии. Выделение, далее, особых дел, в которых заинтересованы административные органы, в особую административную юстицию, рисуется в глазах теоретиков буржуазного права, очевидно, как гарантия для государства более беспристрастного и отвечающего

его интересам порядка рассмотрения таких дел, и как мера избавления судьбы от соблазна угодить начальству.

В пролетарском государстве с проведением в жизнь полной национализации орудий производства и национализации внешней и внутренней торговли, нет места столкновению интересов частных предпринимателей и государства, нет места для судебных споров, вопрос может идти только об организации и производства и распределения. Поэтому отпадает самый вопрос об административной юстиции.

Наконец, остаются еще гарантии правосудия для отдельных граждан. На первом месте здесь стоит habeas corpus. Если в области обычной уголовной репрессии в Советской Республике главным образом путем инструкции следственным комиссиям или милиции, проводится правило о пред'явлении, если не обвинения, то об'яснения задержания в течение двух суток, а самые места заключения проверяются народными судьями, то иначе обстоит вопрос в области революционной репрессии. В момент совершенно исключительного напряжения всех сил пролетарской Республики для отражения натиска контрреволюционеров всех видов и калибров, нормы вроде habeas corpus были бы опрокинуты так же, как опрокидывает „лояльное“ правительство английской буржуазии habeas corpus в момент восстания угнетенных классов английского народа. Другая гарантия—право апелляции, т. е. право перенесения во вторую инстанцию гражданских дел и более мелких уголовных (для более крупных апелляция не допускалась и буржуазной юстицией) решительно отвергнута декретом о суде. Самая структура Народных Судов Советской Республики, в которой решающее значение имеют народные заседатели, избираемые советами на очередные сессии из рядов пролетарского и беднейшего крестьянства, не допускает второй апелляционной инстанции для каких бы то ни было дел, так как все дела решаются с участием народных заседателей,— а участием заседателей даже буржуазная наука придавала значение решающего фактора, не допускающего пересмотра дела второй инстанцией.

Все преимущества, вытекающие из устранения волокиты двух инстанций, при такой структуре суда настолько очевидны, что не требуют пояснений. Добавим разве, что самая сфера гражданских споров суживается с каждым днем, по мере из'ятия из частного оборота средств производства и обмена, уничтожения кредитных сделок и т. д., и это еще более делает ненужным ту работу, порой поистине египетскую, какую требовали гражданские процессы отмененных судов.

Мы уже говорили, какое место отводит буржуазная наука участию заседателей, для советских народных судов не может быть такой постановки вопроса. Для народных судов Советской Республики уча-

стие избранников Советов (судей и заседателей) в отправлении правосудия имеет такое же значение, как и нормы, которые должны ограждать интересы пролетариата и беднейшего крестьянства. Как раз то, что предусмотрительно замалчивают буржуазные юристы — цензовой состав буржуазных судов и нормы буржуазного права, составляло и для буржуазии основную гарантию их судов. Отмена всех норм буржуазного права — единственная гарантия правосудия для городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, поставившего и осуществляющего в своей диктатуре великую цель: полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

Д. Курский.

Адвокаты — правозаступники — судьи-ассистенты.

I. Адвокаты о себе.

„Задача адвокатуры сводится не только к ведению процессов, но и к их предупреждению, а участие ее в делах ценно не только благодаря профессиональным знаниям, но и ее умеряющему влиянию на ход процесса и устранению страстности, которую вносят сами стороны в борьбу за торжество своих экономических расчетов.“

„Общественная задача адвокатуры есть служение правде.“

„Профессия присяжного поверенного не есть только средство для кормления; закон, общество и сама корпорация наша видят в ней благородную арену для подвигов высокого общественного служения. Регулировать свою профессиональную деятельность одними только соображениями меркантильного характера ни один уважающий себя присяжный поверенный не будет“.

Приведенные цитаты взяты из отчетов Одесского (1908 г., стр. 190), Харьковского (1906-07 г., стр. 218) и Московского (1902-03 г., стр. 385, ч. 2) Советов Присяжных Поверенных. Они оттеняют три момента адвокатской деятельности: профессионально-технический, общественный и профессионально-экономический. В профессионально-техническом отношении адвокатура полагает в основу своей деятельности с одной стороны участие в процессе, в качестве компетентного и умеряющего страстность сторон начала, с другой — предупреждение процессов. Общественная роль адвокатуры усматривается в „подвигах высокого общественного служения правде“. Наконец момент профессионально-экономический или „меркантильный“ выявлен в негативной форме и очень неопределенно, но внимание привлекает с одной стороны нарочито-пренебрежительное противопоставление его общественному служению, с другой — слишком низкая с точки зрения среднего — уважающего себя адвоката квалификация меркантилизма

одного из китов свободной профессии, являвшегося источником существования членов сословия. Как наиболее характерные, приведенные цитаты представляют своего рода платформу упраздненного сословия.

II. Язык цифр.

О степени участия адвокатов в судебных процессах и о влиянии их на разрешение дел можно иметь некоторое представление по имеющимся в нашем распоряжении небогатым статистическим данным. Данные относятся к деятельности Московского Столичного Совета Местных судей, т. е. кассационной инстанции местного народного суда, и обнимают собою первые пять месяцев работы этой инстанции, с половины марта до половины июля текущего года.

ТАБЛИЦА 1-ая. Уголовные дела.

Общее число дел, рассмотренных в 57 камерах местного суда, т. е. в 1 инстанции м. суда с 1 янв. по 1 июля с. г.	Дела, поступившие из камер местных судей в Сов. Судей в кассационном порядке, с янв. по 1 июля с. г.		Дела, рассмотренные Советом Судей в кассационном порядке, с янв. по 15 июля с. г.		Дела, рассмотренные Советом Судей в кассационном порядке с начала деятельности по 15 июля с. г.										
	Число.	0/0 к числу дел, рассм. в 1 инстанции.	Число.	0/0 к числу дел, поступ. в Сов. Суд.	Приговор 1 инст. утвержден.		Приговор 1 инст. смягчен.		Обвиняемый оправдан.		Дело передано на новое рассмотрение.		Всего.	0/0	
					Числ.	0/0	Числ.	0/0	Числ.	0/0	Числ.	0/0			
31.045	785	2,5	415	52,9	При защите	32	27,3	41	35,1	6	5,1	38	32,5	117	28,2
					Беззащитн.	122	40,9	97	32,6	9	3,0	70	23,5	298	71,8
					Всего	154	37,1	138	33,3	15	3,6	108	26,0	415	100,0

Рассматривая данные 1-ой таблицы, наблюдаем:

1) Из общего числа дел, рассмотренных в первой инстанции, только 2,5% их, как наиболее спорные поступают во вторую инстанцию.

2) Из числа рассмотренных во второй инстанции дел только 28,2% разрешены при участии защитников; таким образом производство подавляющего числа дел, рассмотренных во второй инстанции, а именно 71,8%, проходило без участия защиты.

3) При рассмотрении дел во второй инстанции с участием защиты — приговоры первой инстанции были утверждены в отношении

27,3⁰/₁₀₀ дел; по делам же, рассмотренным без защитников, утверждение приговоров первой инстанции последовало в отношении 40,9⁰/₁₀₀ дел.

4) При рассмотрении дел во второй инстанции с участием защиты, в отношении 35⁰/₁₀₀ дел — приговоры первой инстанции были смягчены; по делам же рассмотренным без защитников, смягчение приговоров первой инстанции наблюдалось в отношении 32,6⁰/₁₀₀ дел.

5) По делам, рассмотренным второй инстанцией с участием защиты, был вынесен оправдательный приговор в отношении 5⁰/₁₀₀ дел; по делам же, рассмотренным без защиты — оправдательный приговор состоялся в отношении 3⁰/₁₀₀ дел.

6) При рассмотрении дел с участием защиты 32,5⁰/₁₀₀ дел были переданы для нового рассмотрения в первую инстанцию; при рассмотрении же дел без защитников на новое рассмотрение в первую инстанцию было передано лишь 23,5⁰/₁₀₀ дел.

Суммируя общие наблюдения, можем отметить: а) что участие защитников в уголовных делах в местном суде с подсудностью до 2-х лет лишения свободы — количественно было минимальным;

б) что сопоставление рядов процентов дел при участии защитников —
— 40,9; 35,1; 32,5; 5,0.

с соответствующими рядами процентов дел без защитников —
— 27,3; 32,6; 23,5; 3,0.

отражает в форме общих, определенных и заметных колебаний, некоторое влияние выступлений защиты в уголовных процессах; в частности это влияние, очень слабо отражаясь непосредственно в оправдательных или смягчающих наказании приговорах, заметнее выявлено в отношении ⁰/₁₀₀ дел, переданных на новое рассмотрение: при участии в процессах защиты ⁰/₁₀₀ дел, законченных утверждением приговоров первой инстанции, менее соответствующего ⁰/₁₀₀ дел в процессах без защиты, но взамен этого в процессах с защитой наблюдается соответственно больший ⁰/₁₀₀ дел, переданных на новое рассмотрение.

Таким образом непосредственные результаты (оправдание, смягчение) выступлений адвокатуры — малозаметны; влияние адвокатуры более выделяется в случаях передачи дел на новое рассмотрение, т. е. при оттяжке разрешения дел, составляющей чисто формальный момент в процессе, далеко не предрешающий — ни оправдания или смягчения, ни утверждения приговора первой инстанции.

ТАБЛИЦА 2-ая. Гражданские дела.

Общее число гражданских дел, рассмотренных в 57 камерах местного суда гор. Москвы с 1 января по 1 июля с. г.		Дела, поступившие из камер местных Судей в Московский Совет Судей в кассационном порядке, с 1 января по 1 июля с. г.		Дела, рассмотренные Советом Судей в кассационном порядке, с марта по 19 июля с. г.		Дела, рассмотренные Советом Судей в кассационном порядке с начала деятельности судебных заседаний совета по 19 июня.													
Всех.	В том числе исковых.	Число.	0/0 к числу исковых дел рассмотренных в 1 инст.	Число.	0/0 к числу поступивших в Совет Судей.			Решение 1 инст. утверждено.		Решение 1 инстанции отменено.		Дело отложено.		Итого.	Кроме того дел прекращено.		Всего.	0/0	
								Число.	0/0	Число.	0/0	Число.	0/0		Число.	0/0			
13879	8250	222	2,8	201	90,5		Обе стороны имели поверенных	2	50,0	2	50,0	—	—	4	2,0	2	—	6	3,0
							Кассатор имел поверенного	17	51,6	16	48,4	—	—	33	17,0	—	—	33	16,6
							Противная кассатору сторона имела поверенного												
							Обе стороны не имели поверенных	80	50,6	58	36,7	20	12,7	158	81,0	4	—	162	81,0
							Всего							195	100			201	100

Во второй таблице необходимо отметить следующее:

1) Из общего числа исковых дел, рассмотренных в первой инстанции только 2,8% их поступило в кассационном порядке во вторую инстанцию.

2) Из числа рассмотренных во второй инстанции дел только 19,0% дел были разрешены при участии поверенных.

3) При рассмотрении дел во второй инстанции с участием поверенных — решения первой инстанции были утверждены в отношении 51,3% рассмотренных при участии поверенных дел. Для дел же, рассмотренных без поверенных, 0% дел, по которым утверждено решение первой инстанции, равен 50,6% и следовательно совпадает с 0% дел, рассмотренных при участии поверенных.

4) При рассмотрении дел с участием поверенных — отмена решений первой инстанции наблюдалась — в отношении 48,7% такого.

рода дел; при рассмотрении же дел без поверенных 0% решений первой инстанции, отмененных второй инстанцией, значительно понижается и равен лишь $36,7\%$.

5) В отношении дел, рассмотренных второй инстанцией без поверенных, наблюдалось $12,7\%$ дел отложенных; при рассмотрении же дел при участии поверенных — случаев отложения дела не было совсем.

Обобщая изложенное выше — имеем:

а) участие поверенных в местном суде в отношении гражданских дел с подсудностью до 5,000 руб: — было в количественном отношении так же минимально, как и в отношении уголовных дел.

б) качественно — участие поверенных в гражданских процессах в отношении дел, по которым решения первой инстанции были утверждены, проявилось в степени совершенно неподдающейся учету; — в отношении дел, по которым решения первой инстанции были отменены — отразилось как будто в положительной довольно заметной форме; однако, сопоставляя $36,7\%$ отмененных решений в процессах без поверенных с $50—48\%$ отмененных решений в процессах с поверенными, мы должны обратить внимание с одной стороны на то, что 0% утвержденных решений в процессах и с поверенными и без поверенных был один и тот же $50,0—51,6$ с другой стороны — на то, что в процессах без поверенных в соответствии с меньшим 0% отмененных решений наблюдается соответственно больший 0% дел отложенных. Итак, наблюдавшееся в процессах без участия поверенных значительное число случаев отложения дела, как представлявшее собою момент чисто формальный, не предрешающий ни утверждения, ни отмены решений первой инстанции, — дает основание для вывода о влиянии адвокатуры в некоторых случаях на быстроту движения дела, но не дает права для заключения о непосредственно выраженном влиянии адвокатуры на существование решения. Данные приведенных двух таблиц, представляя собою довольно точное отражение действительности, не могут, однако, считаться бесспорной основой для широких выводов, так как относятся к незначительному сравнительно числу дел.

Некоторой гарантией устойчивости и известной прочности отмеченных в приведенных таблицах отношений и тенденций могут служить данные деятельности Московского Столичного Съезда Мирowych Судей за 1916 год. Данные относятся к периоду времени с 6 марта по 15 июля 1916 года. (см. ниже таблицу третью). Сами по себе они обладают точно такую же степенью типичности, как данные первых двух таблиц, но в общей сложности и при наличности известного соответствия данные по Совету и Съезду, дают некоторый прочный мате-

риал для суждения о роли и влиянии адвокатуры во второй инстанции местного — мирового суда.

ТАБЛИЦА 3-ья. Уголовные дела, разрешенные Московским Столичным Съездом Мировых Судей за время с 6 марта по 15 июля 1916 г.

Дела разрешены.	Приговор первой инстанции утвержден.		Приговор первой инстанции смягчен.		Обвиняемый оправдан.		Дело передано на новое рассмотрение.		Дело прекращено по амнистии.		Дело прекращено за примирением сторон.		Всего	
	Число	0/0	Число	0/0	Число	0/0	Число	0/0	Число	0/0	Число	0/0	Число	0/0
При участии защитника . . .	63	70,8	4	4,5	18	20,2	1	1,1	2	2,3	1	1,1	89	100
Без защитника	492	69,8	38	5,4	63	8,9	8	1,1	37	5,3	67	9,5	705	100
ВСЕГО	555	69,9	42	5,3	81	10,2	9	1,1	39	4,9	68	8,6	794	100

В приведенной таблице надлежит отметить следующее:

1) Из общего числа 794 дел при участии защитников были рассмотрены 89 дел, т. е. 11, 2⁰%, остальные 88,8⁰% дел были разрешены без участия защитников.

2) Утверждение приговоров первой инстанции последовало в процессах с участием защиты — в отношении 70,8⁰% дел, в процессах же без защитников — в отношении 69,8⁰%; следовательно независимо от того, участвовала ли защита в процессе, или не участвовала, ⁰% утвержденных приговоров был одинаков (69,8⁰%—70,8⁰%).

3) Случаев оправдания обвиняемых наблюдалось — в процессах с защитниками — 20,2⁰%, в процессах же без защитников — лишь 8,9⁰%.

4) Данные, касающиеся смягчения приговоров первой инстанции, а также передачи дел на новое рассмотрение не отражают процессуального влияния защиты и представляют собою незначительную группу дел (5—6⁰%).

5) Большой интерес представляет графа дел, прекращенных за примирением сторон: оказывается, что в процессах с участием защиты прекращение за примирением сторон состоялось в отношении 1,1⁰% дел, в процессах же без защиты оно равнялось 9,5⁰% дел. Такое резкое колебание зависело с одной стороны от того, что дела прекращенные за примирением сторон, как возникавшие в порядке частного обвинения, были малозначительны, с другой же стороны — смеем думать — объяснялось тем, что наличность защитника не способствовала примирению сторон.

Данные третьей таблицы свидетельствуют, а) что в количественном отношении участие адвокатуры в мировом суде было минимальным и б) что качественно — лишь в отношении случаев оправдания обвиня-

емых заметно некоторое влияние адвокатуры, но и оно погашается в некоторой степени соответственно меньшим ⁰/₁₀₀ дел, прекращенных за примирением сторон, в отношении же остальных случаев, в частности при утверждении и смягчении приговоров первой инстанции, роль адвокатуры или слаба или не поддается учету.

Сопоставляя данные первой и третьей таблиц, относящихся к уголовным делам, мы наблюдаем с одной стороны значительное между ними различие, с другой — некоторое сходство.

Существенное различие между таблицами относится к содержанию деятельности суда, к структуре процесса. Нижепомещаемая сводная табличка рельефно отражает это различие.

У Ч Р Е Ж Д Е Н И Я	Приговор первой инстанции утвержден.	Приговор первой инстанции смягчен.	Обвиняемый оправдан.	Дело передано на новое рассмотрение.	ВСЕГО.
	в п р о ц е н т а х				
Съезд Мирowych Судей в 1916 г.	69,9	5,3	10,2	1,1	100,0
Совет Местных Судей в 1918 г.	37,1	33,3	3,6	26,0	100,0

В основании различия структуры процесса в мировом и местном судах лежит то, что съезд мировых судей был апелляционной инстанцией, совет же местных народных судей является инстанцией кассационной.

Отметив и в общих чертах пояснив быющее в глаза различие между таблицами, мы можем внимательнее остановиться на менее заметной стороне обеих таблиц, затрагивающей вопрос о роли адвокатуры в процессе. Этот вопрос освещается нижепомещаемой сводной табличкой.

У Ч Р Е Ж Д Е Н И Я.	При участии защиты								Без защиты								ОБЩЕЕ ЧИСЛО ДЕЛ.	
	Приговор первой инстанции утвержден		Приговор первой инстанции смягчен		Обвиняемый оправдан.		Дело передано на новое рассмотрение.		Приговор первой инстанции утвержден		Приговор первой инстанции смягчен		Обвиняемый оправдан		Дело передано на новое рассмотрение			
	число	0/0	число	0/0	число	0/0	число	0/0	число	0/0	число	0/0	число	0/0	число	0/0	число	0/0
Съезд Мирowych Судей	63	9,2	4	0,6	18	2,6	1	0,2	492	71,6	38	5,5	63	9,2	8	1,1	687	100,0
Совет Местных Судей	32	7,7	41	9,9	6	1,5	38	9,1	122	29,4	97	23,4	9	2,2	70	16,8	415	100,0

Сопоставляя по категориям $0\% 0\%$ дел, рассмотренных при участии защиты, с $0\% 0\%$ таких же дел, но рассмотренных без защиты, мы должны отметить, как общее явление, подавляющий перевес абсолютного числа последних над первыми. Иными словами и по Совету Местных Судей, и по Съезду Мировых Судей, независимо от того, каким бы эффектом ни заканчивались во второй инстанции дела, неизменно 0% дел, рассмотренных при участии защиты, оказывался ничтожным — опускаясь по отдельным разрядам дел до $0,2\%$ и не поднимаясь выше $9,9\%$.

Чтобы учесть в возможной мере результаты участия защиты в процессах, необходимо обратить внимание на графы, касающиеся — смягчения приговоров первой инстанции и — оправдания обвиняемого. Только по этим непосредственным данным мы учтем качественную активную роль адвокатуры в процессах.

а) Возьмем данные по Съезду. Сложив проценты приговоров оправдательных и смягчающих наказание, вынесенных первой инстанцией, имеем очень скромную цифру в $3,2\%$ всех, разрешенных съездом дел. Таковы пределы благородной арены общественного служения адвокатов в Съезде мировых Судей.

Из разрешенных Съездом при участии защиты 86 дел, 22 дела завершены оправдательными и смягчающими приговорами, что составляет 26% дел, рассмотренных с участием защиты. Из разрешенных же без защиты 601 дела с оправдательными и смягчающими приговорами было 101 дело, что составило 17% . Таким образом мы имеем $26\% - 17\% = 9\%$, представляющих собою качественный актив адвокатской работы, что в применении в пределах $3,2\%$ дел составляет очень скромный результат.

б) Ту же операцию проделаем с данными по Совету. Сложив $0\% 0\%$ приговоров оправдательных и смягчающих ($9,9 + 1,5$), имеем $11,4\%$ всех разрешенных Советом уголовных дел.

Из разрешенных Советом при участии защиты 117 дел 47 дел закончены оправдательными и смягчающими приговорами, что составляет 40% всех разрешенных с участием защиты дел. Из разрешенных же без защиты 298 дел — с оправдательными и смягчающими приговорами оказалось 108 дел, что составило 36% . Таким образом мы имеем: $40\% - 36\% = 4\%$ актива адвокатской работы. Цифра по сравнению с 9% по Съезду совсем ничтожная.

Итак мы видим, что и в мировом суде и в местном народном суде, будущем единственном суде, участие адвокатуры ничтожно в количественном отношении и очень скромно в качественном отношении. Между тем через местный суд проходит подавляющее количество судебных дел. И если адвокатура для своих общественных и

профессионально-технических функций не нашла в процессах местного суда достаточно точек приложения, то можно полагать, что с одной стороны процессы местного суда не вызывают острой и настоятельной необходимости в приправленном профессионально-техническими аксессуарами высоком общественном служении правды, и с другой стороны сами подвиги профессионально-технического служения правде не являются решающим стимулом для систематического и широкого участия адвокатуры в местном суде.

Под руками нет статистических данных для выяснения степени участия адвокатуры в окружных судах. Приходится лишь на глазок, но без грубой ошибки, отметить, что там, где в гражданских и уголовных процессах замешан крупный частный интерес, профессионально-технические подвиги высокого общественного служения являются не только частым и желанным гостем в суде, но даже другом дома, а по Диккенсу „ключником юридического погреба“, постоянным и верным „слугой и сторожем хозяйских тайн“.

Вышеприведенные статистические данные касаются лишь второй инстанции местного и мирового суда. Но пусть, расценивая изложенные по поводу цифр суждения не ищут методологической ошибки там, где ее нет. Мы ни на минуту не забываем, что приведенные статистические данные не покрывают собою деятельности окружных судов, равно как и деятельности первой инстанции местного и мирового суда. Мы отмечаем, что местный и мировой суд — суд массы дел, во второй инстанции, рассматривающей фактически наиболее спорные и важные дела, не привлек к себе адвокатуры, и массовый частный интерес мелкого калибра — как в гражданских, так и в уголовных делах остается необслуженным надлежащим образом со стороны „служителей правде“.

III. От свободы к необходимости.

1. Первым декретом о Суде, упразднившим институты присяжной и частной адвокатуры, было установлено, что впредь до преобразования всего порядка судопроизводства — по уголовным делам в роли обвинителей и защитников, а по гражданским в роли поверенных — допускаются все неопороченные граждане обою пола, пользующиеся гражданскими правами; вопрос о платности выступлений в Суде в первом декрете был оставлен открытым и логически необходимо было считать, что все лица, пользующиеся гражданскими правами, могли выступать в Судах в качестве защитников или поверенных — как бесплатно, так и за плату.

2. В порядке развития начала, провозглашенного первым декретом, второй декрет о суде установил, что право выступления в Судах

за плату принадлежит лишь лицам, входящим в коллегии правозаступников и посвящающим себя правозаступничеству — как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты; при чем в состав этой коллегии входят лица, избираемые и отзываемые советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Вопрос о бесплатных выступлениях в процессах вторым декретом о суде не был совершенно затронут, и можно было считать, что впредь до преобразования всего порядка судопроизводства — по уголовным делам в роли защитников и обвинителей, а по гражданским — в роли поверенных — допускаются к безвозмездному участию в процессах, согласно первого декрета о суде, все неопороченные граждане, пользующиеся гражданскими правами.

3. Дальнейшим шагом по пути законодательной разработки вопроса об образовании корпорации правозаступников было издание „Инструкции об организации и действии местных народных судов“, опубликованной в Собрании Указаний и Распоряжений Раб. и Крест. Правительства № 53 ст. 597. В этой инструкции вопрос о правозаступниках был затронут в ст. 23, содержание которой следующее:

„В качестве правозаступников по гражданским и уголовным делам допускаются лишь лица, состоящие в коллегии правозаступников, при чем по несложным гражданским и бракоразводным делам местный суд может особым определением не допустить участия правозаступников в деле.

Примечание: Кроме правозаступников допускаются к выступлению в процессе по особым доверенностям или уполномочиям только близкие родные тяжущихся, как то: родители, дети, сестры и супруги, и уполномоченные правительственных и общественных учреждений и национализированных предприятий.“

Содержание приведенной статьи инструкции в свое время явилось важным показателем уклона в деле организации института правозаступников. Эта статья определенно ограничивала круг защитников, обвинителей и поверенных лишь лицами, состоящими в коллегии, допуская кроме правозаступников к выступлению в процессе только близких родных и уполномоченных учреждений и национализированных предприятий. Вместе с тем установленная ст. 23 норма относилась ко всем выступлениям в процессах, как к платным, так и к бесплатным.

С другой стороны в той же статье содержалось чрезвычайно ценное положение, согласно которого по несложным гражданским и брако-

разводным делам суд мог не допускать правозаступников к участию в деле.

Итак определенно наметилась линия сужения контингента допускаемых к выступлению в процессе лиц.

Целесообразна ли была наметившаяся тенденция?

Да, целесообразна. Предоставление права выступления в процессе независимо от того, будет ли это выступление платным или бесплатным, лишь правозаступникам — является единственной гарантией против того, чтобы под флагом бесплатных выступлений не укрылась или беззащитная эксплуатация населения или попытка тормозить дело организации процесса на новых началах.

Вместе с тем и по существу предоставление платных выступлений в процессе правозаступникам, а бесплатных — всем неопороченным гражданам, пользующимся гражданскими правами, было бы некоторым оправданием лишь для частичного уничтожения монопольного характера института адвокатуры, но не гарантировало бы необходимого разрушения этого института в его сложившемся десятилетиями составе, как социального тормоза быстрых коренных реформ в области Суда. Если бы в суд под прикрытием бесплатных выступлений были допущены все неограниченные в гражданских правах лица, процесс судебного творчества подвергся бы серьезным препятствиям и испытаниям, ибо в лице неопороченных граждан пред нами предстали бы те же старые знакомые, закоренелые профессионалы, в том числе и худшие из них — бывшие частные поверенные и подпольные ходатаи, — привыкшие самодовольно возводить свою хитросплетенную „юридическую паутину“ на пьедестал логики и мудрости, и суд, призванный руководствоваться социалистическим правосознанием, приобрел бы в их лице не сотрудников, помогающих всестороннему выяснению дела, а социально-враждебную силу, пытающуюся, не брезгая средствами, урвать для представляемой в процессе стороны некоторую сумму тех или иных благ, и толкающую на путь компромисса с прошлым.

Между тем с точки зрения входящей в задачи суда организации социально-правовой жизни — нет разумных оснований для культивирования социально-враждебной силы, обставленной специально-техническим опытом и представляющей частный интерес, а вместе с тем нет никакого принципиального различия между платным и бесплатным выступлением.

4. Как этап дальнейшего развития основных начал, которые создавали фундамент нового института, идущего на смену упраздненного сословия присяжных поверенных, надлежит отметить постановление 2 Всеросс. Съезда Областных и Губернских Комиссаров Юстиции, состоявшегося в Москве в начале июля сего года. Это постановление касалось по-

рядка оплаты труда правозаступников и сводилось к тому, чтобы в основание оплаты труда был положен принцип месячного жалованья. На Съезде противники назначения правозаступникам жалованья с одной стороны указывали на финансовую невозможность для Государственного Казначейства оплачивать труд правозаступников, с другой стороны полагали, что при регулярном получении жалованья может понизиться интенсивность труда правозаступников. Представители противоположного взгляда отмечали, что средства на содержание правозаступников казна может получить из специальных судебных сборов, и что с другой стороны для борьбы с понижением интенсивности труда правозаступников Советы смогут применить сильное средство — отзыв. В результате прений Съезд большинством всех против пяти голосов признал, что в основание оплаты труда надлежит положить принцип „твёрдого месячного жалованья“.

Итак доблестному адвокатскому сословию, совершавшему „подвиги высокого общественного служения“ суждено было превратиться в корпорацию государственных служащих, — „чиновников“, как брезгливо выражаются свободолюбивые адвокаты-рыцари общественности. Об'ективно указанное превращение знаменует переход от начала „частной лавочки“ и „частного наймитства“ к принципу государственного служения, или регламентированного государством труда.

Разговоры о свободе адвокатского сословия, как было указано в начале статьи, излюбленная тема адвокатов. В их представлении сословие в силу своей общественной функции являлось независимым свободным институтом, охраняющим и защищающим интересы индивида при столкновении их с публичными или частными интересами. Конечно, необходимо признать, что в условиях буржуазного уклада, когда государство было мачехой в отношении большинства населения, когда устои гражданского порядка подвергались сепаратным колебаниям, или являлись богатой почвой для гражданских споров, — адвокат может быть действительно выступал на „благородную арену общественного служения“: в качестве защитника по уголовным делам он охранял интересы индивида-преступника, „последнего“ в государстве человека, облегчая для подзащитного в возможной мере кару государства; в качестве поверенного по гражданским делам адвокат, участвуя в гражданском споре, поддерживал существовавший социальный уклад параллельно с государством, но путем более свободных и просвещенных приемов. Таким образом в обстановке буржуазного порядка адвокат, был как бы профессиональным и легальным представителем общественности, которая, противопоставляясь государству, совершенно правильно расценивалась как социально-прогрессивная сила.

Не то теперь. В условиях перехода к хозяйственному порядку основанному на коммунистических началах, и при наличии диктатуры трудящихся-социальные факторы — государство и общество поменялись своими ролями. Государственный аппарат, бывший орудием угнетения трудящихся масс перешел в их руки и превратился из фактора социального застоя в фактор социального прогресса. И обратно — „общество“, всегда являющееся в известном смысле оппозицией государству — в обстановке буржуазного строя было фактором прогресса, в настоящих же условиях, при переходе государственной власти в руки революционных классов пролетариата и беднейшего крестьянства, „общество“ стало консервативной социальной силой.

В силу приведенных соображений и в интересах социального прогресса необходимо было как можно скорее покончить с остатками, устарелой для нашего времени „свободы — привилегии“ адвокатов, перерождавшихся на наших глазах в правозаступников, и решительно „подрезать крылья“ этим тоскующим по свободе „благородным птицам.“

К осуществлению этого и приступил Народный Комиссариат Юстиции, разработав и собираясь провести в жизнь „положение о коллегиях защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе“. Как видно из самого заголовка нелепый термин „правозаступники“ изымается из обращения и заменяется более приличествующим, хотя и слишком громоздким. Новым положением устанавливается, что члены коллегии, пользующиеся исключительно им одним (помимо родственников — обвиняемого или стороны в гражданском процессе) принадлежащим правом выступления в процессах в качестве защитников, обвинителей и представителей сторон, избираются пленумами совдепов на общих со всеми должностными лицами Советской Республики основаниях, — причем члены коллегии, как должностные лица, получают содержание в размере оклада, установленного для местных народных судей.

5. Вместе с тем новым положением устанавливается специальный порядок привлечения защитников, обвинителей и представителей сторон к участию в процессе.

Для участия в уголовных процессах в качестве защитников и обвинителей суд назначает персонально членов коллегии из состава лиц, прикомандированных коллегиею к судебным учреждениям на время отдельной сессии, — при чем привлечение к участию в процессах защитников по просьбе обвиняемого — для суда обязательно по тем делам, по которым наказанием является лишение свободы; во всех прочих уголовных делах вопрос о допущении защиты разрешается по усмотрению суда; судом же разрешается во всех без исключения уго-

ловных процессах вопрос о допущении обвинителя. Таким образом обвиняемому, желающему иметь защитника, предоставляется лишь право возбуждения перед судом ходатайства о назначении защиты, персонально же назначение защитника в каждом данном случае осуществляется самим судом.

По гражданским делам стороны, желающие иметь на суде представителей своих интересов, обращаются с просьбой о назначении последних в Совет Коллегии, который по ознакомлении с делом может отказать в удовлетворении ходатайства. Постановление Совета об отказе в назначении представителя может быть обжаловано заинтересованной стороной в суд, рассматривающий дело. За участие членов Коллегии в процессах судом определяется особая плата, которая взимается с обвиняемых и сторон непосредственно самим судебным учреждением.

Вновь установленные правила допущения к участию в процессах защитников, обвинителей и представителей сторон при всей своей громоздкости особенно в отношении гражданских дел представляют с точки зрения наиболее успешной и планомерной организации правовой жизни несомненный шаг вперед по пути реформирования судопроизводства.

6. Однако предоставление права выступления в процессах лишь лицам, избранным в состав организуемых совдепами коллегий, назначение членам коллегии месячного жалованья и определение порядка допущения членов коллегии к участию в процессах — далеко не исчерпывают всего вопроса об образовании нового института взамен упраздненного сословия присяжных поверенных.

Можно ли считать, что члены вновь образуемого института и развенчаные старые адвокаты должны отличаться одни от других только тем, что первые в отличие от последних состоят по избранию на государственной службе, получают жалованье и назначаются к участию в процессе судом или советом коллегии? На этот вопрос необходимо ответить определенно отрицательно.

И порядок зачисления на службу, и формы оплаты труда, и назначение к участию в процессе — являются формальными моментами совершенно незатрагивающими вопроса о роли нового института в процессе, о существовании его деятельности, о характере его трудовых функций. Между тем все это составляет сущность вопроса о новом институте.

Рассмотрим в общих чертах содержание и характер тех функций, которые, по нашему мнению, должно возложить на новый институт, так громоздко и архаически поименованный.

Содержание трудовых функций ликвидированного советской властью адвоката представляло ничто иное, как оказание частному ли-

цу специально-технических услуг по защите его или от притязаний другого частного лица, или от воздействия по преимуществу судебных органов власти. Вся деятельность адвокатов полностью укладывалась в рамки частных индивидуалистических интересов. Совершенно другие задания выпадают на долю вновь организуемого института. В самом деле при возложении на членов учреждаемой коллегии обязанности по надлежащей с точки зрения частного лица защите его частных интересов против органов советской власти было бы как будто странным — во первых избрание состава нового института местными органами власти и во вторых назначение этого состава судом или коллегией к участию в процессах. В частности особенно в отношении уголовных дел мы оказываемся в кругу противоречий, так как органы советской власти избирали бы и назначали лиц, призванных к защите индивидуалистических интересов от воздействия самой же советской власти. Порядок допущения к участию в процессе защиты, обвинения и представительства сторон, установленный новым положением, приблизительно согласуется с современными задачами суда. Содержание же деятельности нового института мыслится по трафарету в старых формах защиты, обвинения и представительства сторон, — формах, в сущности противоречащих структуре самого института. Защитой названо то, что по существу не составляет защиты. Обвинением (к чему оно!) поименовано то, что представляет собою просто „обстоятельства дела“. Под „представительством“ сторон в гражданском процессе разумеется не физическое восполнение отсутствующей стороны, которая не подлежит никакому отводу от участия в процессе, а защита частных интересов, которая, согласно нового положения постановлением Совета Коллегии может быть не допущена к участию в деле. На лицо — компромиссная позиция, оправдываемая разве только гипнотическим действием силы социальной инерции.

Между тем основное содержание деятельности судебных органов Советской Республики, в том числе и нового института, сводится к наиболее успешной, совершенной и систематической организации социально-правовой жизни. В частности специальная задача учреждаемого института, определяющая самое содержание его деятельности, заключается в регламентированном властью содействии наиболее полному и всестороннему выяснению на суде обстоятельств данного дела — в целях той же организации правовой жизни. Всякое социальное явление, нарушившее планомерный, согласованный ход правовой жизни, попадая в сферу деятельности судебно-властных органов, подлежит включению „именем“ (волею) власти в наиболее целесообразных формах и гармоничных сочетаниях в общую систему жизни. Такое задание может быть выполнено судебными органами при том условии,

если надлежащим образом будет произведена оценка данного социального явления, если будет учтена сила его сопротивляемости целому.

Теснейшим образом с вопросом о содержании деятельности нового института связан вопрос о характере этой деятельности. Адвокатура, защищавшая личные или имущественные интересы индивидов — по отношению к судебному органу была самостоятельно существующим началом, которое, подчиняясь установленному судопроизводственному регламенту, оказывалось в состоянии состязания не только с противной стороной, но и самим судебным органом. Такое состояние легальной борьбы обуславливалось анархическим характером капиталистического строя с его свободной в известных пределах игрой частных и публичных интересов. В настоящее время с переходом к новому социальному строю, основывающемуся на принципе широкой, полной и систематической регламентации всех сторон общественной жизни, судебные органы в пределах своей деятельности не могут уже культивировать арены для свободного столкновения частных и публичных интересов. Теперь они, напротив, призваны в целях успешной организации социально-правовой жизни определенно подчинять частные интересы общей политике власти путем наиболее целесообразных мероприятий.

И содержание и характер деятельности нового института требуют, чтобы этот институт находился не в состязании с судом, а в состоянии тесного, органически слитого с судом, спаянного с ним единой целью организации правопорядка сотрудничества и лиш не принимающего участия в решении по делу.

Итак по характеру деятельности функции нового института должны быть функциями внутри судебного фактора. Члены коллегии учреждаемого института, участвуя в деле на началах сотрудничества с судом, оказали бы серьезное содействие самому суду в оценке особенно сложных явлений. Привлекаемые к участию в процессах, или подготовительных к ним работам как по уголовным, так и гражданским делам, по определениям распорядительного или судебного заседания, они явились бы достойным коррективом к тому недостатку нашего суда, при котором в судебном заседании с обстоятельствами дела непосредственно знаком один член суда-докладчик, — все же прочие члены суда знакомятся с делом по сообщению докладчика. Помимо всего — при наличии такого корректива судья-докладчик имел бы в меньшей степени возможность иногда по тем или иным условиям субъективного свойства — скомкать дело, или нерационально его растягивать.

Исходя из содержания и характера деятельности указанного института можно было бы судебных деятелей, образующих его состав, назвать „судьями-ассистентами“.

Предусмотренный положением о коллегиях защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе порядок привлечения к участию в делах членов коллегии также надлежало бы упростить. Во первых — непонятно, почему назначение обвинителей и защитников к участию в процессах производится судом, а назначение представителей сторон в гражданских делах осуществляется через вновь учреждаемую коллегия. Необходимо и для уголовных и для гражданских дел установить единую инстанцию, разрешающую вопрос о допущении к участию в деле „судей-ассистентов“ с соответствующими заданиями. Естественно, что таким институтом может быть только суд, ибо возложение указанных обязанностей на коллегия — ведет к образованию специальной инстанции по предварительному рассмотрению дела и не может дать ничего кроме излишней волокиты. Во вторых — обязательное для суда допущение защиты к участию в процессе обусловлено в положении тяжестью наказания. С индивидуалистической точки зрения, формально ставящей судебные органы и обвиняемых на одну доску — в положение борющихся сторон — критерий тяжести наказания мог быть приемлемым. Но с точки зрения организации правовой жизни — суд и обвиняемый являются субъектом и объектом процесса, именуемого устройством правопорядка. Поэтому при классификации уголовных дел правильнее выдвинуть критерий не тяжести наказания, а той необходимости выяснения рассматриваемого или подлежащего рассмотрению дела, которая предусмотрена положением. Разрешение вопроса о необходимости участия „судей-ассистентов“ в каждом данном деле должно быть возложено на суд.

С созданием в составе суда института „судей-ассистентов“ вопрос о реорганизации процесса — в части, касающейся привлечения специально-технических сил к участию в суде — примет некоторую законченную форму.

В заключение отметим, что институт ассистентов может быть надлежит применить не только в сфере суда, но и в других чисто административных органах, ведающих разрешением всякого рода конфликтов, но этот вопрос выходит за пределы настоящей статьи.

А. Молочков.

К вопросу об организации общих мест заключения.

Впредь до организации реформаториев и особых испытательных заведений для лиц, по отношению к коим имеются основания для досрочного освобождения, в силу необходимости придется всех лишенных свободы и подлежащих заключению содержать в общих местах заключения (тюрьмах).

Вместе с тем, однако, необходимо провести в жизнь с возможной полнотой новые начала, положенные в основу карательного дела, согласно утвержденного положения об отбывающих наказание. *)

Ниже предлагается общая схема устройства тюрем в предстоящий переходный период.

Тюрьмы — это своего рода социальные клиники, функции коих заключаются с одной стороны в постановке правильного диагноза болезней поступающих в них нездоровых представителей населения, с другой — в выработке мер лечения и применении таковых. Исходя из этого общего принципа, тюрьмы должны иметь следующие отделения:

- а) камеры распределения,
- б) камеры для отдельных категорий преступников с соответствующим режимом,
- в) камеры для социально „выздоравливающих“ и предназначенных к „выписке“,
- г) органы послетюремного наблюдения.

1. Камеры распределения.

Поступающие в тюрьму преступники, кроме официального документа — постановления суда или следственных органов — должны сопровождаться неофициальным документом, своего рода „историей болезни“. На это нужно обратить особое внимание, и было бы весьма желательно установить порядок, чтобы суды присылали вместе с копиями приговоров копии судебных протоколов и опросных листов, а

*) Временная „Инструкция о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового“, в дальнейшем она именуется сокращенно: „инстр.“

по возможности также хотя бы и краткие характеристики приговоренных к наказанию, поскольку личность осужденного выяснилась суду. От следственных органов нужно получать более точные указания о прежней судимости подсудимых и о деяниях, в коих они обвиняются или подозреваются.

Поступающие в тюрьму должны, по возможности, не содержаться вместе впредь до распределения по категориям, или, по крайней мере, должны разделяться по более или менее однородным группам: моложе 21 года отделяться от более взрослых, рецидивисты от совершивших преступление впервые и т. д.

Распределительная Комиссия (ст. 17 „Инстр.“) поручает своим сочленам в определенном порядке предварительное ознакомление с каждым отдельным прибывающим в тюрьму, для чего эти члены должны использовать полученный из суда или от следственного органа материал, дополнить его, если он недостаточен, путем личного ознакомления с делом в соответствующем учреждении, затем опросить испытуемого, занося все сведения о нем в соответствующую карточку (форма которой должна быть выработана заранее), после чего войти с докладом пленарному заседанию Распределительной Комиссии для решения вопроса о том, в какую категорию должно быть отнесено данное лицо и какому режиму имеет быть подвергнуто. Вся эта работа совершается совместно с заведующим воспитательной частью данной тюрьмы (ст. 11 „Инстр.“).

Параллельно с этим ознакомлением с нравственной физиономией заключенного, тюремный врач выясняет состояние его здоровья и степень пригодности его для работ, о чем докладывает на том же собрании Распределительной Комиссии.

Комиссия, в случае признания собранного материала недостаточным и необходимости дальнейшего ознакомления с личностью заключенного, может оставить его еще на известное время в распределительной камере, но с непременным привлечением к работам на общих основаниях.

2. Камеры для отдельных категорий заключенных.

Определить число этих камер à priori, конечно, невозможно; необходимо лишь помнить, что наиболее успешное и рациональное „лечение“ преступников возможно лишь в том случае, если устранена опасность какой либо новой инфекции, а потому необходима возможно большая детализация категорий и групп преступников, которые должны разделяться отнюдь не только по характеру совершенных деяний, а главным образом по типу и степени их дефектов с точки зрения социальной санитарии. Поэтому, напр., нельзя никоим образом об-

единить всех воров в одну группу или всех убийц или нанесших тяжелые раны — в другую и т. д.; возможно, что каждую категорию придется разделить на несколько групп; но с другой стороны возможно, что в одной группе окажутся и убийцы и мелкие карманники, если в общем их психически — моральное состояние приблизительно одинаково. Здесь нужна крайняя осмотрительность и бдительность. В каждом сомнительном случае заведующий воспитательной частью тюрьмы обязан обращаться в Распределительную Комиссию или в Коллегию места заключения с докладом о необходимости перевода того или иного лица из его группы в другую.

Каждая из вышеозначенных групп должна содержаться особо, под ответственным наблюдением особого лица (воспитателя или наблюдателя — название в зависимости от возрастного состава группы). Встречи с другими группами возможны только во время работ. Общение же в другие часы и в других местах — на прогулке, на школьных занятиях — совершенно недопустимы. Удобства ради группы различаются цветом одежды или, если это затруднительно, каким либо заметным отличительным знаком.

Воспитатель (наблюдатель) должен вести дневники для каждого находящегося у него лица, заполняя их по установленным графам; свои замечания он сообщает коллегии воспитателей периодически примерно 1 раз в 2 недели.

В дневники вносятся заметки о поведении заключенного, проявляемых наклонностях, об отношении к работе, успехах в школе и результатах применяемого режима.

3. Камеры для „выздоровливающих“.

Если, по докладу воспитателя и заключению коллегии воспитателей, данное лицо признается заметно исправляющимся, коллегия через начальника тюрьмы входит в Распределительную Комиссию с предложением о переводе этого лица в камеру для подлежащих досрочному освобождению.

Здесь нет уже необходимости в строгой изоляции по группам и категориям; тут можно предоставить заключенным общение и в часы отдыха, так как эта камера — есть переходная ступень перед выпуском на свободу, где всякая изоляция исчезает; следовательно, искусственное оберегание от „инфекций“ в камере для выздоравливающих было бы нецелесообразным.

Но наблюдение здесь должно быть еще более внимательным, ибо создаваемые здесь условия более близкого к нормальному общению таят в себе и те опасные влияния, от которых преступник был

изолирован во время пребывания в первой стадии заключения. Почти наверное, многих из переводимых в камеру испытуемых придется вновь переводить обратно в группы, как ненадежных.

В камерах испытуемых должна быть особая коллегия воспитателей: единоличное начало здесь неприменимо в виду большей ответственности работы.

Режим в этих камерах более мягкий и в отношении переписки, свиданий и передачи, и в отношении распоряжения временем отдыха. В то время, как в группах заключенные и во время отдыха находятся в распоряжении воспитателей, здесь они известное время совершенно свободны в выборе занятий и развлечений в часы отдыха.

Вопрос о досрочном освобождении возбуждается означенной коллегией воспитателей и вносится через обще-тюремную коллегия в Распределительную Комиссию.

4. Органы послетюремного наблюдения.

Тюрьма должна иметь связь с досрочно освобождаемыми через общества-патронаты. Связь эта, в зависимости от характера преступности, продолжается от года до 3-х лет. Патронаты сообщают в тюрьму регулярные сведения об освобожденном, его работе, жизненной обстановке и проч.

Воспитатель, под наблюдением которого освобожденный находился, в свою очередь дает патронату характеристику освобожденного, с указанием на те черты в его характере, которые являются опасными в смысле рецидива, для принятия патронатом нужных мер.

Если патронат даст сведения об освобожденном, что он встал снова на скользкий путь, то тюремная коллегия через Распределительную Комиссию должна возбудить перед соответствующим народным судом ходатайство об отмене предоставленной ему льготы досрочного освобождения и водворения его обратно.

Если досрочно освобожденный поселился в другой местности, то все сведения, о нем пересылаются в соответствующий патронат, который сносится с тюрьмой вышеуказанным порядком.

Л. Саврасов

Библиография.

А. Бебель. Будущее общество, перевод с немецкого, Издательство В. Ц. И. К. Советов Р., С., К. и К. Депутатов, Москва 1918, 71 стр.

Передо мною лежит целый ряд переводных книжек, изданных Ц. И. К.; в том числе, напр., К. Каутского — „Экономическое учение К. Маркса“, „Классовые интересы“ и др. Казалось бы, что в 1918 г. в России можно издавать переводы, не опасаясь цензуры, проверив текст по последним изданиям оригинала, подыскав таких переводчиков, язык которых был бы понятен.

На самом же деле оказывается, что в 1918 г. даются в большинстве случаев, перепечатки старых подцензурных и скверных переводов начала 1905 г. Указаний на то, кто дал такие отличные переводы, не имеется. Если книжка представляет собою отдельную главу из большого сочинения автора, то также никакого пояснения читателю не делается. Никаких предисловий, которые облегчили бы массовому читателю пользование книжкой, не имеется.

Особенно неудачным следует признать издание, помеченное в заголовке. Содержание этого перевода взято из книги А. Бебеля: „Женщина и социализм“. В оригинале этот раздел книги озаглавлен: „Социализация общества“, и первая глава этого раздела носит заголовок: „Социальная революция“, а затем вторая часть этой главы озаглавлена: „Экспроприация экспроприаторов.“ Из страха перед цензурой в свое время были изменены и выброшены заглавия, выброшены некоторые части текста. И вот теперь, в издании В. Ц. И. К. мы также читаем об обществе будущего вместо социализации общества, об отчуждении всех средств и орудий в пользу общества вместо экспроприации экспроприаторов, упоминание о социальной революции совершенно вычеркнуто. По тем же цензурным соображениям исчез заголовок: Уничтожение частной собственности на землю, как исчезли заголовки целых глав: уничтожение государства и др.

Обращаясь к лежащему предо мною последнему (1918 г.) изданию немецкого оригинала книги Бебеля. Здесь, из последнего, написанного Бебелем предисловия к 50-му изданию (в 1909 г.), мы узнаем, что это издание значительно переработано, пополнено новым содержанием, что пользование им значительно облегчено, благодаря увеличе-

нию числа глав и подразделению их на части. Но в русском переводе 1918 г. следов всей этой работы искать мы стали бы напрасно. В оригинале мы видим много ссылок на литературу и другие данные, относящиеся к 1905, 1906, 1907, 1908 и 1909 гг. В переводе 1918 г. последние ссылки относятся к 1901 г. Наоборот, исключенное Бебелем, как устарелое, в переводе сохранено.

Помимо всего прочего и язык перевода нередко делает его мало понятным. В переводе одной из перечисленных выше книжек Каутского можно увидеть такие образцы русского языка: „Машины, делая мускульную силу излишнею, позволяют применять рабочих со слабой мускульной силой или *неполного телесного развития*, но с большой гибкостью членов;“ „с увеличением прихода *возвышаются* и расходы по содержанию семейства“; „зверству родителей из рабочих противоречит тот *великий факт*“; „ценность рабочей силы определялась необходимым рабочим временем для поддержания не единичного взрослого рабочего“; „фабричная *рабочая* не может быть домохозяйкой“ (все эти выписки найдены на одной почти странице — 96—97 — перевода Каутского — „экономическое учение К. Маркса“).

В переводе книги Бебеля также немало таких перлов: „Man glaubt zu schieben und wird geschoben“ переведено: „думают толкать, а сами толкаются“; „общество уже до сих пор было существом, которое не поддавалось руководству“, „общество становится тогда демократией (все это встречается на одной—5-ой странице); „богатства энергии, которые далеко превышают потребности в ней, представляют части земной поверхности“ и т. п.

Весьма часто пропускаются целые предложения, если перевод их более или менее затруднителен (стр. 7, 16 и др.).

Небрежность перевода достигает во многих местах пределов недопустимых. Вместо северной Африки напечатано: северная Америка, (стр. 16), вместо электролиза говорится о какой-то *электролизе* (стр. 17), товары... „стремятся обменяться своими владельцами“, „трудовая производительность оплачивается ниже своей ценности“ (стр. 21) и т. д.

Последние три главы „социализации общества“ совершенно опущены в переводе. В настоящее время, когда у нас социализация общества из области теории перешла в область практики, хотелось бы, чтобы каждый рабочий имел у себя на столе книгу рабочего Бебеля в таком переводе, какого сна, по своему содержанию, заслуживает. Хотелось бы, чтобы и другие переводы, издаваемые Ц. И. К., удовлетворяли этому условию, и чтобы ценные оригиналы не превращались в устарелый хлам для читателей России.

А. Гойхбарг.

1. Официальный отдел.

Важнейшие законения и распоряжения рабоче-крестьянского правительства.

Кодекс законов Р. С. Ф. С. Р. об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве.

(Принят в заседании Всц. И. К. Советов от 16 сентября 1918 г.)

РАЗДЕЛ IV-ый *).

Опекунское право.

Глава I-ая. Органы опеки.

184. Органами опеки являются опекунские учреждения, осуществляющие задачи опеки либо непосредственно, либо через посредство опекунов и попечителей.

185. Опекунскими учреждениями на территории Российской Республики являются Отделы Социального Обеспечения при Губернских, а в Петрограде и Москве — при Городских Совдепах и Народный Комиссариат Социального Обеспечения.

Примечание: функции опекунских учреждений в отношении российских граждан, проживающих за границей, выполняются представителями России за границей.

186. К обязанностям Отделов Социального Обеспечения относятся, кроме организации общих мер попечения над малолетними и дефективными, также учреждение, осуществление и снятие опек, назначение, увольнение и общий надзор за деятельностью опекунов и попечителей.

187. К ведению Народного Комиссариата Социального Обеспечения относится руководство по организации общих мер попечения над малолетними и дефективными и надзор за деятельностью Отделов Социального Обеспечения.

188. Опекуны охраняют все личные и имущественные интересы подопечных, являясь их законными представителями.

*) Разделы I—III напечатаны в 5—6 книжке журнала „Пролетарская революция и право“.

189. Попечители назначаются для совершения отдельных сделок или уполномачиваются на управление имуществом вообще.

Примечание: К попечителям, поскольку не установлены особые правила, применяются постановления об опекунах.

Глава 2-ая. Установление и снятие опеки и попечительства.

190. Опека устанавливается над несовершеннолетними и над душевно-больными и осуществляется либо отделом Социального Обеспечения, либо специально назначенным для этой цели опекуном.

191. Несовершеннолетними признаются лица мужского пола, не достигшие 18-ти летнего и лица женского пола, не достигшие 16-ти летнего возраста.

Примечание: По специальному постановлению соответствующего Отдела Социального Обеспечения лица, не достигшие возраста совершеннолетия, с их на то согласия, могут быть признаны совершеннолетними.

192. Опеке подлежит всякое несовершеннолетнее лицо, не находящееся на попечении родителей.

193. Страдающие душевной болезнью подлежат опеке в случае признания их в установленном порядке душевно-больными.

Примечание: Инструкция об освидетельствовании душевно-больных при сем прилагается.

194. Опека учреждается по постановлению Отдела Социального Обеспечения по месту жительства лица, над коим она устанавливается.

195. О необходимости учреждения опеки в случае, предусмотренном ст. 192, Отдел Социального Обеспечения извещается должностными лицами и учреждениями, которые при своей служебной деятельности осведомятся о таком случае, а также близкими лиц, подлежащих опеке, и самими этими лицами.

196. О необходимости учреждения опеки в случае, указанном в ст. 193, Отдел Социального Обеспечения извещается Врачебным Управлением при Губернском Совдепе, по месту жительства признанного душевно-больным.

197. Если отдел Социального Обеспечения иными способами, кроме указанных в ст. ст. 195 и 196, узнает о необходимости учреждения опеки, он устанавливает опеку по собственному почину.

198. Попечительство над совершеннолетним лицом устанавливается по его о том ходатайству, если окажется, что лицо это вследствие старческой дряхлости или других недугов или неопытности не может над-

лежащим порядком вести свои дела вообще или защитить свои интересы в каком-либо определенном случае.

199. О назначении опеки производится публикация в местном органе периодической печати, помещающем объявления этого рода.

Примечание: Список лиц, над которыми назначена опека по душевной болезни, публикуется во всеобщее сведение Народным Комиссариатом Юстиции.

200. Заинтересованным лицам предоставляется право в 2-х недельный, с момента появления указанной в ст. 199 публикации, срок обжаловать в местный по нахождению Отдела Социального Обеспечения Суд постановление о назначении опеки.

201. Опека прекращается, если отпадает основание для ее учреждения.

202. Опека над несовершеннолетним прекращается в момент, когда наступает совершеннолетие.

203. При объявлении лица совершеннолетним в порядке, установленном примечанием к ст. 191, Отдел Социального Обеспечения определяет вместе с тем, с какого момента наступает совершеннолетие и производит публикацию об объявлении лица совершеннолетним в местном периодическом органе печати, помещающем публикации этого рода.

204. Опека над душевно-больными прекращается постановлением соответствующего Отдела Социального Обеспечения, по получении им уведомления от Врачебного Управления о признании лица выздоровевшим.

205. Попечительство прекращается по постановлению соответствующего Отдела Социального Обеспечения, если отпало основание, заставлявшее ходатайствовать об его установлении.

Глава 3-я. Назначение и увольнение опекуна.

206. Назначение опекуна в тех случаях, когда Отдел Социального Обеспечения не принимает на себя непосредственное осуществление опеки, должно произойти в недельный срок с того момента, когда соответствующий Отдел Социального Обеспечения узнает о необходимости такого назначения.

Примечание: Один опекун может быть назначен как над одним лицом, так и над целой группой лиц.

207. Опекунами назначаются совершеннолетние лица, способные выполнять эту должность.

208. Не могут быть назначаемы на должности опекунов и состоять опекунами:

- а) лица, сами состоящие под опекой,
- б) лишенные по суду гражданских прав (доброго имени, общественного доверия, семейных и имущественных прав),
- в) те, интересы которых находятся в противоречии с интересами подопечного и в особенности те, которые находятся с ним во враждебных отношениях.

209. При назначении опекунов предпочтение оказывается лицу, выбранному подлежащим опеке, (если он не душевно-больной и достиг 14 летнего возраста) его матерью или отцом, а при отсутствии такого лица близкому родственнику или супругу лица, подлежащего опеке.

210. Назначая опекуна из числа лиц, указанных в ст. 209, Отдел Социального Обеспечения должен принять во внимание как личные отношения, назначаемого опекуном к подлежащему опеке, так и близость местожительства.

211. Избранному опекуном немедленно посылается письменное сообщение о его назначении. Одновременно производится публикация о назначении опекуна в местном органе периодической печати, помещающем объявления этого рода.

212. Всем заинтересованным лицам предоставляется право в 2-х недельный, с момента появления публикации, срок обжаловать в Местный по нахождению Отдела Социального Обеспечения суд постановление о назначении опекуном данного лица.

213. Каждый гражданин Российской Республики, назначенный Отделом Социального Обеспечения опекуном, обязан принять опеку.

214. От принятия опеки может отказаться:

- а) тот, кому исполнилось 60 лет,
- б) тот, кто, вследствие телесного недостатка, мог бы лиш с трудом исполнять должность опекуна,
- в) тот, кто осуществляет родительские права в отношении более, чем 4-х детей,
- г) тот, кто уже заведует одною индивидуальною или коллективною опекою.

215. При наличии одного из предусмотренных ст. 214 оснований для отказа от опеки, назначенный опекуном в недельный, с момента получения сообщения о своем назначении, срок может осуществить свое право отказа. Незаявивший об отказе считается принявшим опекунство.

216. Если отказ от опеки будет признан основательным, Отдел Социального Обеспечения производит избрание в опекуны другого лица, но, до передачи опеки вновь назначенному опекуну, заявивший об отказе от опеки должен исполнять обязанности опекуна.

217. Опекунские обязанности считаются принятыми с момента получения лицом, избранным Отделом Социального Обеспечения, извещения о назначении его опекуном.

218. Должность опекуна прекращается со снятием опеки, а также при наступлении условий, указанных в ст. 208.

219. Опекун может быть уволен от должности постановлением Отдела Социального Обеспечения, если он окажется виновным в нерадении или злоупотреблении должностными полномочиями, а также и тогда, когда он столь неудовлетворительно исполняет опекунские обязанности, что интересам подопечного угрожает опасность.

220. Об увольнении опекуна по основаниям, указанным в ст. 219, может ходатайствовать как сам подопечный, так и всякое третье лицо.

221. До постановления определения об увольнении опекуна Отдел Социального Обеспечения обязан расследовать обстоятельства дела и допросить опекуна.

222. Если во время выполнения опекунских обязанностей возникают основания к отклонению опекунства, указанные в п. п. а, б и в ст. 214, опекун может ходатайствовать об увольнении в порядке, указанном в ст. 215.

Глава IV-ая. Попечение о личности состоящих под опекой, управление имуществом подопечных и ответственность органов опеки.

223. Защита интересов подопечного личных и имущественных, лежит на осуществляющем опеку отделе или опекуне, которые являются представителями подопечного на суде и вне суда.

224. Опека над несовершеннолетним заботится о личности подопечного, о его воспитании и подготовке к полезной деятельности.

225. Опекун обязан держать несовершеннолетнего подопечного при себе и в праве требовать возврата его от любого лица, удерживающего несовершеннолетнего опекаемого у себя не на основании постановления закона или суда.

226. Для отдачи несовершеннолетнего подопечного на воспитание и обучение, а равно и для заключения с согласия подопечного, достигшего 16-ти летнего возраста, договора о личном его найме опекун должен испросить согласие соответствующего Отдела Социального Обеспечения.

227. Опека над душевно-больным обязана защищать и поддерживать его во всех личных делах и заботиться о его здоровье.

228. В случае необходимости поместить душевно-больного в соответствующее лечебное заведение опекун заявляет об этом Отделу Социального Обеспечения, который предлагает Врачебному Управлению

назначить Врачебную Комиссию. Эта последняя и разрешает вопрос о необходимости помещения душевно-больного в лечебное заведение.

229. Опекун выполняет возложенные на нее по попечению над личностью подопечного обязанности безвозмездно, но имеет право на возмещение из имущества подопечного всех затрат на воспитание, образование и лечение подопечного, поскольку затраты эти не превышают доходов подопечного.

230. Опекун управляет имуществом подопечного, как заботливый-трудолюбивый хозяин.

231. Если подопечному достанется в непосредственное управление и распоряжение имущество, указанное в ст. 129-й, то опекун управляет этим имуществом на равных правах с другими лицами, имеющими право на получение этого имущества в управление и распоряжение.

232. Опекун, являясь представителем подопечного, в праве совершать все те сделки, которые мог бы совершить сам подопечный, если бы обладал полной дееспособностью.

233. Опекун не может представлять опекаемого при заключении сделки или ведении тяжбы между своим супругом или одним из родственников по прямой восходящей и нисходящей линии с одной стороны и опекаемым с другой стороны.

234. Опекун не может выступать в качестве договаривающейся стороны в договоре относительно имущества опекаемого, а также и приобретать требование на опекаемого.

235. На оплату долга самому опекуну по сделкам, заключенным до назначения его опекуном, требуется разрешение соответствующего Отдела Социального Обеспечения:

236. Опекун не может совершать дарений в качестве представителя опекаемого.

237. Об управлении имуществом подопечного, поскольку доходы с этого имущества превышают прожиточный минимум, установленный для данной местности, опекун обязан представлять Отделу Социального Обеспечения ежегодно, не позже 15 января нового года, письменный отчет.

238. За управление имуществом подопечного Отдел Социального Обеспечения может назначить опекуну вознаграждение, принимая во внимание: а) чистый доход от имущества подопечного, в) степень имущественной обеспеченности опекуна, а также с) труд, затрачиваемый опекуном на управление имуществом подопечного.

239. По прекращении опеки состоявший под опекой в праве требовать от опеки возмещения всего вреда и убытков, причиненных недобросовестным или небрежным управлением.

240. По прекращении опеки опекун представляет общий отчет.

241. Все действия опекуна по попечению над личностью подопечного во всякое время могут быть обжалованы в отдел Социального Обеспечения, как самим подопечным, так и любым третьим лицом.

242. Действия опекуна по управлению имуществом подопечного могут быть обжалованы в соответствующий Отдел Социального Обеспечения самим подопечным, а равно и заинтересованными третьими лицами.

243. На постановление Отдела Социального Обеспечения по жалобе на действия опекуна, сторонами может быть подана жалоба в Народный Комиссариат Социального Обеспечения.

244. Жалобы на действия и постановления Отделов Социального Обеспечения приносятся в Народный Комиссариат Социального Обеспечения, который должен рассмотреть жалобу не позже, чем в течение 3-х месяцев со дня ее поступления.

245. Если Народным Комиссариатом Социального Обеспечения обжалованное постановление Отдела Социального Обеспечения будет оставлено в силе, заинтересованным лицам предоставляется право оспаривать означенное постановление в обще-исковом порядке.

249. Правила, содержащиеся в этом разделе, соответственно применяются и в тех случаях когда Отдел Социального Обеспечения признает необходимым назначение опеки по другим основаниям, в частности по случаю расточительства или обнаружения таких свойств, которые делают опасным или невозможным оставление данного лица без общественного попечения.

Форма № 1.

Приложение к статье 7-ой Кодекса законов.

КНИГА ЗАПИСЕЙ РОЖДЕНИЙ ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Месяц и число рождения.	Место рождения.	Пол ребенка.	Имя и фамилия ребенка.	Имя, фамилия и род занятий родителей.	Постоянное место жительства родителей.	Возраст родителей.	Который ребенок по числу имеющихся у данных родителей детей.	Особые примечания.

Подписи лиц, сообщивших о событии, свидетелей и должностного лица, совершающего запись.

Форма № 2.

КНИГА ЗАПИСЕЙ СМЕРТЕЙ ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Месяц и число смерти.	Место смерти.	Пол умершего.	Имя, фамилия и род занятий умершего.	Причина смерти.	Фамилия, имя и местожительство врача, выдавшего свидетельство о смерти, и № свидетельства.	Место погребения.	Год, месяц и число рождения умершего.	Семейное состояние умершего (холост, вдов, разведен).	Имя, фамилия и местожительство лица, сделавшего заявление о смерти.	Особые примечания.

Подпись лица, сообщившего о событии, и должностного лица, совершившего запись

Форма № 3.

КНИГА ЗАПИСЕЙ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИХ ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Пол отсутствующего.	Имя, фамилия и род занятий отсутствующего.	Последнее известное местожительство.	Год, месяц и число рождения.	Семейное положение отсутствующего (холост, вдов, разведен).	Название суда, постановившего определение, дата и № постановления.	Основание объявления отсутствующим (безвестное отсутствие, пропав на войне или при несчастном случае).	Особые примечания.

Подпись должностного лица, совершившего запись.

Форма № 4.

КНИГА ЗАПИСЕЙ БРАКОВ ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Месяц и число заключения брака.	Имена, фамилии и род занятий жениха и невесты.	Место жительства жениха и невесты.	Год, месяц и число рождения жениха и невесты.	Семейное положение жениха и невесты (холосты, вдовы, разведенные).	Фамилия, которой брачующиеся желают именоваться.	Особые примечания.

Заявляем о добровольном вступлении в брак

Подписи жениха и невесты, председателя Отдела записей актов гражданского состояния и должностного лица, совершившего запись.

Форма № 5.

КНИГА ЗАПИСЕЙ РАЗВОДОВ ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Месяц и число постановления о разводе.	Название суда, вынесшего постановление, и № постановления.	Имена, фамилии и род занятий разводящихся.	Место жительства разводящихся.	Возраст, (год, месяц и число рождения) разводящихся.	Семейное положение, предшествовавшее расторжению брака.	Число детей, произошедших от расторжения брака.	Фамилии, которыми желают именоваться разводящиеся супруги.	Особые примечания.

Подписи разводящихся и должностного лица, совершившего запись о разводе

Форма № 6.

КНИГА ЗАПИСЕЙ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАЧАТЫХ
ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТЕЙ ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Месяц и число заявления.	Имя, фамилия, род занятий и место жительства заявившей.	Время зачатия.	Имя, фамилия и место жительства отца.	Особые примечания.

Подпись заявительницы и должностного лица, совершившего запись.

Форма № 7.

КНИГА ЗАПИСЕЙ ЛИЦ, ИЗМЕНИВШИХ ФАМИЛИИ И ПРОЗВИЩА
ЗА ГОД.

Отдела записей актов гражданского состояния при Совдепе.

№ записи.	Месяц и число записи.	Имя, фамилия и род занятий лица, меняющего фамилию или прозвище.	Место жительства.	Год, месяц и число рождения.	Место рождения.	Семейное положение (вдов, холост, состоит в браке, разведен).	Имена и возраст детей до 14 лет.	Новая фамилия или прозвище.	Отметка о согласии супруга измениться новой фамилией.	Особые примечания.

Подписи лица, меняющего фамилию или прозвище, и должностного лица, совершившего запись.

Приложение к статье 193-ей Кодекса законов.

Инструкция об освидетельствовании душевно-больных.

1. Заявления об освидетельствовании лиц, страдающих умственным расстройством, для назначения над ними опеки подаются врачебному отделу или заменяющему его учреждению при Губернском Совдепе, по местожительству лица, об освидетельствовании коего возбуждено ходатайство.

2. Заявления могут исходить, как от родственников, опекунов и попечителей лиц, страдающих умственным расстройством, так и от учреждения, в котором больной служит, от союза, партии или организации, к которым он принадлежит, и от совместно с ним живущих лиц.

3. Врачебный Отдел, получив прошение о производстве освидетельствования, назначает врачебную комиссию, на которую производство освидетельствования и возлагается.

4. Врачебная комиссия собирается под председательством заведующего врачебным отделом или его помощника и состоит не менее, чем из 3-х врачей-специалистов, из числа служащих в местном врачебном отделе, при местной психиатрической клинике или вольно практикующих.

Примечание 1. Если больной находится на излечении в специальном заведении, частном, общественном или правительственном, то во врачебной комиссии обязательно присутствует, с правом решающего голоса, врач означенного заведения.

Примечание 2. Кроме указанных в настоящей статье лиц, участвовать в заседании врачебной комиссии с правом решающего голоса могут врачи, приглашенные самим больным или лицами, возбуждившими ходатайство об освидетельствовании.

5. О дне, часе и месте заседания врачебной комиссии врачебный отдел извещает для присутствования при освидетельствовании: 1) представителя муниципального отдела Губернского Совдепа; 2) местного народного судью по выбору местного Совета (С'ѣзда) судей; 3) лиц, от коих исходит ходатайство об освидетельствовании больного.

6. Освидетельствование производится в помещении врачебного отдела, куда лицами, заявившими ходатайство об освидетельствовании, доставляется больной. Если доставление больного во врачебный отдел признано будет невозможным, при чем за невозможность почитается и нежелание больного следовать в отдел, освидетельствование произ-

водится врачебной комиссией по местожительству больного в присутствии всех указанных в п. 5-м лиц.

Примечание: При освидетельствовании в уезде постоянный представитель Совета Народных Судей заменяется местным народным судьей.

7. Врачебной комиссии предоставляется, при разрешении вопроса о нормальности свидетельствуемого, пользоваться всеми приемами, принятыми в медицине для распознавания душевной болезни лица. В частности врачебной комиссии предоставляется право, при невозможности вынести определенное заключение от однократного освидетельствования, назначить через некоторый промежуток времени вторичное освидетельствование или поместить свидетельствуемого на испытание в специальное лечебное заведение на срок, необходимый по определению комиссии.

8. Заседанию комиссии ведется подробный протокол, а о результатах освидетельствования составляется акт, за подписью всех членов врачебной комиссии.

9. Над имуществом и личностью признанного врачебной комиссией душевно-больным учреждается опека, о чем врачебный отдел и сносится с опекунскими учреждениями.

Примечание: Об учреждении опеки опекунское учреждение производит объявление в местной газете, помещающей публикации этого рода.

10. Ходатайство о переосвидетельствовании душевно-больного на предмет признания его здоровым может исходить кроме лиц, перечисленных в п. 3-м настоящей инструкции, от лечебного заведения, куда больно́й был помещен на излечение, а также от самого больного.

11. Освидетельствование душевно-больного на предмет признания его выздоровевшим производится в порядке, предусмотренном статьями 1—8 настоящей инструкции.

12. О признании лица выздоровевшим врачебный отдел извещает опекунское учреждение для снятия опеки.

13. Все издержки по освидетельствованию и по наложению опеки относятся на счет лиц, подвергшихся освидетельствованию, а при отсутствии у них средств — на счет государства по смете врачебного отдела.

Примечание: Расходы по освидетельствованию лица, которое по освидетельствованию врачебной комиссией будет признано здоровым, относятся на счет лиц, возбудивших ходатайство об освидетельствовании.

14. Виновные в сообщении заведомо ложных сведений, с целью добиться признания лица душевно-больным, отвечают как за ложное свидетельство.

15. Определения врачебной комиссии о признании лица душевно-больным в месячный срок с момента постановления могут быть обжалованы в местный народный суд по месту жительства лица, признанного душевно-больным. От суда зависит оставить жалобу без последствий или распорядиться через врачебный отдел о переосвидетельствовании лица в новом составе врачебной комиссии, в присутствии местного народного суда.

16. Постановления местного народного суда по жалобам на действия врачебной комиссии дальнейшему обжалованию не подлежат.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов *Я. Сердюк*
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Советов *Аванесов*

Распублнкована в Собр. и узак. рабоч. и крестьянск. прав. № 76-77, ст. 818

II. Инструкции, постановления и циркуляры Народного Комиссариата Юстиции.

Право производства выемок.

(Постановление Народного Комиссариата Юстиции от 1 октября 1918 г.)

В круг деятельности ревизионно-инспекторского управления народного комиссариата по продовольствию и учрежденных при нем ревизионных комиссий входят, как производство ревизий, так и расследование злоупотреблений и неправильных действий различных продовольственных учреждений и организаций.

Принимая во внимание, что такая деятельность носит характер следствия, при коем часто бывает обязательным производство выемок, Народный Комиссариат Юстиции считает необходимым, в дополнение к постановлению своему от 16-го октября 1917 года, предоставить право производства выемок в области продовольственного дела упомянутым выше ревизионно-инспекторскому управлению и входящим в его состав ревизионным комиссиям.

Нар. Комиссар Юстиции **Курский**.

Циркулярно.

От 19 октября 1918 г. за № 20.

Заведывающим Юридическими Отделами Губернских Совдепов.

Некоторые Губернские и даже уездные Советы устанавливают произвольные размеры судебной пошлины, гербового и листового сбора и судебных издержек, которые и применяются Народными Судами таких губерний и уездов при принятии и рассмотрении ими судебных дел.

Такой порядок, являясь нарушением декретированных ставок, затрудняет вчинение исков, создает неизбежную волокиту (возвращение неправильно оплаченных прошений и др. бумаг) и в некоторых случаях при неравномерно распределенных больших ставках-исключает смысл вчинения мелких исков.

Заведывающим Юридическими Отделами Губернских Совдепов предлагается устранить означенные явления и наблюдать за точным соблюдением Народными Судиами норм, указанных в части 5-ой декрета №2 о Суде и в разделе „Д“ постановления Народного Комиссара Юстиции об организации и действии Местных Народных Судов (Собр. узакон. и распор. раб. и кр. Правительства №53).

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Циркулярно.

От 19 октября 1918 г. за № 21.

Сообщается для сведения следующее разъяснение (№ 47) Всероссийской Чрезвычайной Комиссии:

За последнее время происходят во многих местах большие трения между Отделом Управления и Чрезвычайными Комиссиями. Отделы Управления во многих местах пытаются подчинить Чрезвычайные Комиссии себе, ссылаясь на резолюцию Съезда Представителей Губ. Исполкомов. Разъясняем: что это только резолюция, которая не утверждена ни Совнаркомом, ни Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. А посему Иногородний Отдел в дальнейшем предлагает руководствоваться следующим:

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия подчинена Совету Народных Комиссаров. Комиссар Юстиции и Внутренних дел имеют контроль над ней. В своей деятельности В. Ч. К. совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и В. Ц. И. К.

При соприкосновении с лицами, которые входят в состав правительства, членов В. Ц. И. К., о производстве у таковых обыска, ареста, выемки и т. д. В. Ч. К. доводит до сведения Совнаркома и В. Ц. И. К., испрашивая у них на это согласия.

На местах Губчрезкомы и Уездчрезкомы подчинены: первые В. Ч. К., вторые Губчрезкому. Отчет Губчрезкомы и Уездчрезкомы дают Исполкомам в целом, но никакой отдельной его части.

Ведомство Юстиции и Внутренних Дел имеет контроль над Чрезкомоами, не вмешиваясь в их дела. Вообще Комиссии в своей деятельности самостоятельны и потребованию Исполкомов дают им отчет в своей деятельности.

Если Местным Чрезвычайным Комиссиям надо произвести арест, обыск, выемку у представителей местной власти, членов Исполкомов, то на таковые нужно испросить согласия Исполкома или его Председателя.

Ведомство Юстиции и Внутренних дел не могут вмешиваться в деятельность Чрезвычайных Комиссий. Когда же в вопросах контроля между этими ведомствами и Чрезвычайными Комиссиями возникнут разногласия, относительно которых они сами не могут договариваться, тогда этот вопрос переносится в Исполком для окончательного решения.

Это разъяснение отдать по всем Уездным Чрезвычайным Комиссиям и копии всем Председателям Уездных Исполкомов. —

Тов. Председателя Комиссии **Петерс.**

Зав. Иногор. Отделом **Өомин.**

Секретарь **Мороз.**

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Циркулярно.

От 2-го ноября 1918 г. за № 22

Местным народным судам и юридическим отделам при местных совдепах.

15-го ноября т. г. при Социалистической Академии Общественных Наук открываются, при содействии Народного Комиссариата Юстиции, курсы (продолжительностью в один месяц) для народных судей и для членов Юридических Отделов.

При курсах будет организовано общежитие и столовая для лиц приезжающих из провинции.

Прилагая при сем программы лекций, предположенных к чтению на курсах, Народный Комиссариат Юстиции предлагает Вам направлять на курсы из числа местных народных судей и членов Юридических отделов таких лиц, которые по прослушанию курса лекций, смогут впоследствии самостоятельно организовать такие же курсы на местах.

Общее число направляемых на курсы из каждой местности лиц, во избежание нарушения хода текущих работ не должно превышать трех в губернию.

Все направляемые на курсы лица должны быть снабжены надлежащими удостоверениями. —

Подписал: Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Сверил: Секретарь Политико-Юридического

Разряда С. А. О. И. Теттенборн.

От Кассационного Отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Циркулярно.

По соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции, Кассационный Отдел при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов настоящим предлагает Президиумам Революционных Трибуналов, Следственным и Обвинительным Коллегиям при них и Губернским Комиссарам Юстиции, принять первым для неуклонного исполнения и последним для общего руководства и наблюдения ниже следующие руководящие начала, принятые Кассационным Отделом в его практике и одобренные в Общем Собрании Отдела, после рассмотрения более трехсот кассационных жалоб и протестов на приговоры Трибуналов Советской республики из всех областей и местностей республики.

Во исполнение пункта 8 декрета № 1 о Суде, которым утверждены Трибуналы, декрета о Суде № 2, поскольку таковым определялась подсудность и правила судопроизводства общих судов и тем самым давались общие начала для деятельности Трибуналов, буде противное не было специально оговорено в декретах о Трибуналах, — декрета о Революционных Трибуналах от 14 мая, декрета об учреждении Революционного Трибунала при Ц. И. К. и Кассационного Отдела при нем же от 11 июня, декрета о взяточничестве от 12 мая, постановления Народного Комиссариата Юстиции от 15 июня, декрета о Суде № 3 от 20 июля и декрета о спекуляции от 26 июля, декрета, о набатном звоне от 2 августа и приказа Народного Комиссариата по Военным Делах от 21-го июля с. г., впредь до определения подсудности по роду дел следует руководствоваться следующими положениями.

Революционному Трибуналу предаются:

1. По делам по обвинению в контр-революционной деятельности.

Кто организует контр-революционные выступления против Рабоче-Крестьянского Правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контр-революционных заговорах и организациях, ставящих своей целью свержение Советского Правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контр-революционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предупрежден о таковых заранее и не состоял предварительно членом каких-либо организаций, подготовляющих таковые; Кассационный Отдел предупреждает при этом, что признает контр-революционными всякие выступления, независимо от повода, по которым возникли против Со-

ветов или их Исполнительных Комитетов или отдельных Советских Учреждений, как-то: Продовольственных, Административных и иных, если они сопровождались разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов. Если же они сопровождались набатным звоном, то виновные в производстве такового наказываются, как прямые участники, причем покушение рассматривается как оконченное преступление. (Декрет № 1 о суде, ст. 8, декрет от 4 мая и декрет о набатном звоне).

2. По обвинению в саботаже.

1) Кто активно противодействует Рабоче-Крестьянскому Правительству или призывает других противодействовать ему путем неисполнения декретов и иных постановлений Советской власти, местной или центральной; явно игнорирует такие постановления и своими действиями затрудняет правильный ход работ в правительственных или общественных учреждениях или призывает к саботажу или организует таковой. В случае же, однако, когда имеет место простое неисполнение или неподчинение постановлениям местных властей — Исполнительных Комитетов, Советов или его Отделов, Местных Комиссариатов Труда, Военного, Податного, Здравоохранения или Продовольственных и иных, а равным образом постановлений Профессиональных Союзов или Фабрично-Заводских Комитетов или подобных им рабочих организаций, за каковыя нарушения в качестве меры взыскания указан штраф, налагаемый в административном порядке, или для разрешения споров, по поводу каковых учреждены примирительные камеры или Жилищные Комиссии и иные учреждения, Трибуналы не могут принимать к своему рассмотрению дела о подобных нарушениях, направляя их в таких случаях в Местные Народные Суды или примирительные камеры или непосредственно для взыскания штрафа по принадлежности. То же самое относится ко всем делам о невзносе контрибуций, буде таковыя вложены Советами в определенном для этого порядке.

3. По дискредитированию власти:

с) Кто сообщением, распространением или разглашением явно ложных или непроверенных слухов путем печати или в публичных собраниях или в публичном месте, могущих вызвать общественную панику или посеять недовольство или недоверие к Советской власти или отдельным ее представителям, по неосторожности или с умыслом дискредитирует Советскую власть в глазах населения. Всякие, однако, нарекания, клеветнические и иные измышления и оскорбления словом,

путем печати или действием отдельных членов и представителей местных или центральных властей или отдельных ее представителей в том или ином из Советских учреждений, если таковые оскорбления или измышления направлены персонально против тех или других лиц, но не против учреждений в целом или работающих там работников без указания конкретных лиц, — изъеются из ведения Трибуналов и подлежат рассмотрению в местных судах в порядке возбуждения частной жалобы потерпевшего, если только не будет доказан специально хулиганский характер действий обвиняемого и злостная цель оскорбления в лице того или другого представителя всего строя Советской республики в целом. (Декрет № 1, ст. 8, декрет о Трибуналах печати, декрет от 4 мая).

4. По обвинению в подлоге.

г) Кто учинит подлог советских документов (ордеров, мандатов, удостоверений, разрешений и иных документов) или воспользуется такими подложными документами, а также, кто, имея на то право, воспользуется подлинными документами для своих личных или корыстных целей или использует таковые документы, не имея права на них. Подлог продовольственных документов и документов на право хранения оружия всегда подсудны Революционным Трибуналам, при чем практика Кассационного Отдела установила в этом отношении, как общее правило, увеличение наказания в случае недостаточно сурового вменения со стороны местного Трибунала. Однако, хранение оружия без соответствующего документа или с просроченным, хотя бы и подлинным документом, подлежит суду Революционного Трибунала только в случае, если после объявления соответствующих властей при объявлении местности на военном положении, оружие не было сдано в установленный срок или не было получено соответствующее разрешение от подлежащих властей. В противном случае дела о хранении оружия без разрешения, или с несоответствующим разрешением подлежат ведению местного суда, если не находят разрешения в административном порядке. Согласно точному смыслу декрета о спекуляции, подлог и неправомерное использование документов на провоз грузов для спекулятивных целей и продовольственных карточек подсудно местному и Окружному Суду. Однако, все остальные неправомерные деяния с иного рода продовольственными документами остаются в ведении Трибуналов.

5. По преступлениям по должности.

1) Кто, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребит властью, предоставленной ему революционным

народом. Подлежат суду Трибунала в этих случаях не только лица, совершающие преступные деяния в момент исполнения ими своих служебных обязанностей, но и вообще совершающие какие-либо преступные деяния — с использованием в каком-либо отношении своего положения на Советской службе, причем вместе с ними подлежат суду Трибунала все лица, входящие с ними при совершении преступного деяния в сношения, или участвовавшие в нем. Из сего исключаются, согласно декрета о суде № 3, дела о взяточничестве и вышеупомянутые в № 4 дела о спекуляции документами на прод. грузы и карточки в местностях, где учреждены уже Окружные Суды.

2) Преступления, совершаемые красноармейцами, поскольку они выходят за компетенцию ротных товарищеских судов и фронтовых или полевых судов, приравниваемых к местным народным судам, подлежат безусловному ведению Трибуналов. Преступления милиционеров, караулов, либо лиц, коим специально поручено было охранение имущества, порядка или безопасности за преступления, совершенные ими при исполнении указанных, возложенных на них обязанностей, подлежат безусловному ведению Трибуналов. Хищения железнодорожных грузов, совершаемые при участии железнодорожной администрации — равным образом подлежат ведению Трибуналов. (ст. 8 декрета № 1).

6. По обвинению в шпионаже.

Кто в той или иной форме изобличается в оглашении, передаче военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контр-революционным организациям, или вообще войдет с таковыми в сношения с целью вызвать иностранное, враждебное интересам Советской Республики, вмешательство. (Декрет ст. 4-го мая).

7. По обвинению в хулиганстве.

Кто исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения Советской власти или оскорбит нравственное чувство или политические убеждения окружающих, учинит безчинство (декрет от 4-го мая (хулиганство)).

Примечание. Лица, прошлая деятельность которых, хотя бы и до утверждения власти Советов признается специально вредной для революции, или была прямо против нее направлена, как-то провокаторы, охранники, их осведомители, царские сановники и иные деятели старого режима — могут быть также предаваемы за таковую деятельность суду трибунала, однако, всякий раз специальными постановлениями Исполкомов, местных Советов или особо на то ими уполномоченных органов.

8. По обвинению в спекуляции.

В точном соответствии с декретом о Судах № 3 и декретом о спекуляции, остаются в ведении Трибуналов все дела о спекуляции, возникшие до издания декрета о спекуляции, т. е. до 25 июля с. г. все остальные изъеются и передаются в ведение окружных и местных судов по принадлежности.

Все остальные дела обще-уголовного характера, все дела о гражданских спорах безусловно неподсудны Трибуналам, и принятие к рассмотрению подобных для независимо от того, когда они были разрешены и приняты, всегда влечет за собой отмену приговора Кассационным Отделом и все вынесенные ими приговоры признаются не имеющими силы судебного решения.

Подсудность местная.

На основании точного смысла декрета от 4-мая 1918 года, опубликованного 14-мая в „Известиях“, все уездные Трибуналы упраздняются.

Для провинциальных уездных Трибуналов крайним сроком законности постановленных ими приговоров признается срок **24-го мая текущего года** или десять дней спустя по опубликовании декрета в „Известиях“, принимая во внимание транспортную разруху и медленность в доставлении „Известий“ на местах. Уездные Трибуналы, кои по мнению Губернских Комиссаров Юстиции и Губисполкомов, должны быть сохранены или вновь учреждены в крупных промышленных центрах или на узловых железнодорожных пунктах, должны в течение 10 дней после издания сей инструкции возбудить соответствующее представление перед Кассационным Отделом для разрешения указанного вопроса в центре, по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции. Из уже признанных, как законно существующими, из Уездных Трибуналов, являются следующие Трибуналы: Ябургский, Великолуцкий, Оршанский, Невельский, Брянский, Ржевский, Елецкий, Великоустюжский, Череповецкий, Ивано-Вознесенский, Кинешемский, Котельнический, Камышловский, и Гороблагодатский.

Всяческие Военно-Революционные Суды, кроме установленных в прифронтовой полосе, на основании декрета упраздняются и приговоры их подлежат отмене, как вынесенные незаконно существующими судебными установлениями.

О составе Трибуналов.

Безусловным кассационным ловодом признается нарушение точного смысла п. 8 декрета № 1 о суде, о составе Трибунала из одного

председателя и шести очередных заседателей. Названный состав должен обязательно указываться в заголовке приговора, который независимо от сего должен подписываться всем составом суда. Участие в постановке приговора различных товарищей председателя или его заместителей признается безусловно недопустимым.

Коллегия, постановляющая приговор, состоит из семи лиц, не более и не менее. Председатель **обязательно** участвует в совещании заседателей. Но участие кого бы то ни было сверх того влечет безусловную отмену приговора, равным образом, как и отсутствие кого-либо из данной коллегии из семи.

Состав заседателей определяется местным Губернским Исполкомом в принятом по его усмотрению порядке из числа лиц, назначаемых Советом или Советами или даже непосредственно Исполкомом из испытанных революционеров и преданных Советской власти лиц. Распорядительные заседания Трибунала имеют место в составе председателя или его заместителя и не менее двух лиц из очередного перед сессией состава заседателей.

О Следственной Комиссии.

Предъявление Следственной Комиссией следственного материала обвиняемым обязательно, но несоблюдение ею указанного требования декрета от 4-го мая является кассационным поводом только при условии последующего обжалования названного нарушения обвиняемым, либо в распорядительное заседание, либо непосредственно в самом судебном заседании перед его открытием и в случае запротоколированного отказа со стороны председателя в удовлетворении требования подсудимого, в противном случае названное нарушение не может быть признано кассационным поводом. Постановление о предании суду обязательно сообщается обвиняемому. Участие одних и тех же лиц в составе суда и Следственной Комиссии недопустимо, за исключением случая, если председатель Трибунала принимал участие в камере предания суду, но, однако, отнюдь не в производстве следствия. Ни один из допрошенных свидетелей в стадии судебного следствия не может быть предан суду в качестве обвиняемого без особого о нем производства следствия, со всеми представленными ему законом гарантиями.

Об обвинительных коллегиях.

Отсутствие обвинителя на суде не является кассационным поводом, равным образом, как и невручение обвинительного акта, заменяемого постановлением Следственной Комиссии, если таковое было заблаговременно вручено обвиняемому или ему объявлено. В последнем случае оно обязательно должно заключать в себе краткое изложение

дела. Расхождение судебного приговора с заключением Следственной Комиссии или обвинительными тезисами не является кассационным поводом, поскольку составляет результат свободного решения судейской совести на основании судебного следствия и прения сторон.

Отсутствие обвиняемого или одного из обвиняемых не может служить препятствием к слушанию дела, раз присутствует его защита или, если доказано злостное уклонение обвиняемого от суда. Суд в праве постановить, как о выделении дела, в случае отсутствия одного из обвиняемых, так и о заочном рассмотрении, по своему усмотрению. Последнее может иметь место, хотя бы был привлечен только один уклонившийся от явки в суд обвиняемый.

Как защитники, так и обвинители из публики могут быть допущены к участию в деле только в стадии судебных прений, но до последнего слова обвиняемого, причем отказ суда в допущении должен быть мотивирован. Неявка свидетелей или отказ по этому случаю в отложении дела, равно, как отказ в допросе или передопросе явившихся свидетелей составляет право Трибунала, не подлежащее проверке в кассационном порядке, и посему указания на таковые отказы не являются кассационным поводом.

Судебные прения открываются обязательно речью обвинителя. Реплики сторон допускаются в том же порядке. На обязанности председателя не лежит произнесение какого-либо напутственного слова для заседателей. Постановка вопросов о виновности не обязательна. Право председателя лишать стороны слова в случае уклонения их от существа дела не подлежит проверке в кассационном порядке.

О приговорах и протоколах судебных заседаний.

Приговоры выносятся мотивированными и за подписями всех членов Судебной Коллегии. Трибуналы не ограничены ничем при определении меры наказания, за исключением случаев, в коих декретами определена мера наказания словами: „не ниже“... и т. п. Но и в этих случаях одновременно с постановлением меры суд может смягчить меру наказания, приводя мотивировку этого смягчения. Стенограмма не является обязательной, но должна быть заменена обязательным протоколом по опубликованной форме. Отсутствие протокола является существенным нарушением. Незапротоколированные нарушения правил судопроизводства не являются кассационными поводами, равно как и необжалованные постановления и действия судебных и следственных властей. Огласив приговор, Председатель об'ясняет сторонам порядок обжалования.

О кассации приговора.

Пропуск кассационного срока влечет за собой оставление жалобы без последствий. Кассационный Отдел рассматривает жалобу, но оставляет за собою право обзора всего производства в ревизионном порядке. На оправдательные приговоры, либо на приговоры, обжалуемые по мягкости их, допускаются кассационные протесты всех неопороченных граждан, а не только участвующих в деле, поскольку все граждане заинтересованы в охране завоеваний Революции. Одновременно Кассационный Отдел просит незамедлительно сообщить ему фамилии товарищей, занимающих ответственные посты в Трибуналах: Председателей Следственных Коммиссий и Обвинительных Коллегий.

Подписали:

Председатель Кассационного Отдела **О. Я. Карклин.**

Председатель Центральной Обвинительной Коллегии **Н. Крыленко.**

Представитель от Народного Комиссариата Юстиции при Кассационном Отделе **П. Красиков.**

Член Кассационного Отдела **Е. Пашуканис.**

Распубл. в Изв. В. Ц. И. К. № 217 от 6 октября 1918 г.

О недопустимости пометок в паспортах о церковном браке.

(От Всер. Чрезв. Комиссии).

Согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 18-го дек. 1917 г. о гражданском браке, единственно законным является брак гражданский, церковное же венчание является делом частным, никаких правовых последствий за собой не влекущим.

Между тем, в паспортах иногда все еще помечается церковное венчание, а гражданки, повенчавшись, присваивают фамилию того, с кем повенчались. Более того: милиция иногда помечает таковых лиц, как „женатых“ и „замужних“, а венчавшейся выдается паспорт на фамилию того гражданина, с кем она повенчалась.

Таким образом, явно саботируется декрет о гражданском браке, присваивается чужая фамилия и гражданское состояние женатого или замужней. Контр-революционные священно-служители, чуя уменьшение своих доходов от совершения, так называемого, таинства бракосочетания, сознательно и систематически противодействуют декрету о гражданском браке, и игнорируют постановления Советской власти. Венчающиеся, не зарегистрированные в отделе записей браков, присвоив звание мужа и жены, участвуют в этом контр-революционном

срыве декретов Рабоче-Крестьянского Правительства. Служащие милиции, сверх того, совершают преступление по должности.

Чрезвычайная Комиссия, стоя на страже декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского Правительства, обязана в названных случаях, строго преследовать всех участников означенных контр-революционных деяний, направленных против раскрепощения человеческой личности.

Хроника.

Воронежский Губернский Комиссариат Юстиции приступил к работе 15 декабря 1917 года. В первые же дни своего существования Губернский Комиссариат Юстиции упразднил все старые судебные учреждения г. Воронежа и Воронежского уезда, институт прокураторы, адвокатуры, а также институт судебных следователей и старого нотариата. Параллельно с разрушительной работой Губернский Комиссариат Юстиции принялся и за творческую работу. В целях борьбы с контр-революцией Комиссариат, согласуясь с деятельностью и распоряжениями центральной власти, решил учредить в г. Воронеже революционный трибунал. Для руководства судьям трибунала была составлена и отпечатана в 500 экземплярах обширная инструкция. В марте месяце вся губерния покрылась довольно густою сетью революционных трибуналов — появились трибуналы не только в уездных городах, но и в больших слободах и селениях, а также при некоторых волостных советах.

Деятельность Воронежского Губернского Комиссариата Юстиции распадается на: а) информационную, б) консультационную и в) судебно-организационную.

а) Губернский Комиссариат Юстиции озабочился рассылкой по уездам необходимых руководящих материалов. Декреты о суде №№ 1 и 2 были отпечатаны в виде брошюр и разосланы всем уездным Комиссарам Юстиции для сведения и широкого распространения. Таким же образом поступил Губернский Комиссариат и с декретом о муниципализации нотариата и с подробной инструкцией по организации местных народных судов, составленной Московским Советом местных Народных Судей. Все циркулярные распоряжения Народного Комиссариата Юстиции рассылались в копиях по всем уездам.

б) Административно-консультационная деятельность проявилась в борьбе Комиссариата с Советскими организациями в уездах, производившими совершенно незаконные действия вследствие неправильного толкования распоряжений Центральной власти. Комиссариату приходилось вести борьбу с волостными советами и сходами, выносившими по общеуголовным и гражданским делам „судебные приговоры“, которые иногда немедленно приводились в исполнение.

Борьбу приходилось вести и с волостными судами старого типа, продолжавшими работать во многих местах губернии несмотря на запрещение со стороны Губернского Комиссариата Юстиции. Губернский Комиссариат Юстиции, в согласии с распоряжениями центральной власти, многократно делал разъяснения трибуналам о их компетенции и правильности судопроизводства.

Губернский Комиссариат обслуживал между прочим, Губернский Исполком, Губернскую Продовольственную Управу и другие губернные и уездные советские учреждения, давая им свои заключения и разъяснения по многим вопросам юридического характера.

в) Организационная деятельность Воронежского Губернского Комиссариата Юстиции выразилась в организации уголовно-следственной комиссии для города Воронежа и его уезда. В середине февраля 1918 г. комиссия была сформирована и приступила к разбору арестанских и неарестанских дел, оставшихся в большом количестве после судебных следователей.

В конце февраля Комиссариат пригласил на съезд всех уездных Комиссаров Юстиции, но этот съезд не состоялся, и Губернскому Комиссариату Юстиции пришлось ограничиться в деле организации судов, следственных комиссий и нотариальных отделов только рассылкой по уездам инструкции, указания и собиранием материала для следующего съезда.

Следующий съезд уездных Комиссаров, созванный на 15-ое июня, 16-го июня приступил к своей работе при участии 6 делегатов вместо приглашенных представителей от 15-ти уездов.

Выслушав доклады с мест, съезд приступил к разрешению вопросов о штате и вознаграждении служащих местных Народных Судов, о средствах на канцелярии, оборудовании камер судов, о подсудности, об изменении подсудности Трибуналов, о наказаниях, об уголовных и следственных комиссиях, о народном нотариате и т. д.

На 10-ое августа Комиссариат созвал 3-ий губернский съезд уездных Комиссаров Юстиции, председателей советов местных Народных Судей и представителей уголовно-следственных комиссий. На этом съезде, на котором присутствовало около 35 делегатов, были в течение недели разрешены важнейшие судебно-организационные вопросы.

4-ый Губернский Съезд Совдепов Воронежской Губернии открылся 28-го, а закрылся 31-го Августа с/г.

В настоящее время во всех уездах существуют местные народные суды и уголовно-следственные комиссии. Нотариальные Отделы открыты в очень немногих уездах.

3 июня с/г в районе Могилевской губ. в гор. Мстиславле начал функционировать **первый Народный Окружной Суд Могилевской г.** в составе трех отделений — **общего, уголовного и гражданского.**

Всего на рассмотрение суда поступило 576 дел. в том числе 489 уголовных и 87 гражданских. Из них 16 гражд. уже направлены по подсудности в Местный Народный Суд. 71 дело оставлено в отделении до выяснения вопроса о большинстве оккупированных местностях, 9 уголовных дел разобрано, 14 назначено к разбору, 50 направлено по подсудности, 28 направлено в следственную Комиссию, 81 производством прекращено и 307 подлежат пересмотру коллегии.

Уголовные дела разбираются на местах отдельными сессиями. Сессии по уездам назначаются по мере поступления дел.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. <i>А. Г. Гойхбарг.</i> Первый кодекс законов Р. С. Ф. С. Р.	3
2. <i>А. Яблоньский.</i> Основные начала земельного права	10
3. <i>Д. Курский.</i> Гарантии правосудия и правосудие без гарантий	17
4. <i>А. Молочков.</i> Адвокаты — правозащитники — судьи-ассистенты	23
5. <i>Л. Саврасов.</i> К вопросу об организации общих мест заключения	40
6. Библиография. <i>А. Бебель.</i> Будущее общество, перевод с немецкого, издательство Вс. Ц. И. К. Советов Р., С., К. и К. Депутатов Москва, 1918 г., 71 стр.	44

Официальный Отдел.

I. Важнейшие узаконения рабоче-крестьянского правительства. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. — Раздел IV. Опекунское право	46
II. Инструкции, постановления и циркуляры Народного Комиссариата Юстиции.	
Хроника	70

Издатель: Народный Комиссариат Юстиции.

Редактор: А. Г. Гойхбарг.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ,

издаваемый

Народным Комиссариатом Юстиции

„Пролетарская революция и право.“

Журнал издается под редакцией А. Г. Гойхбарга.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ №№:

№ 1.

1. *П. И. Стучка*. Пролетарская революция и суд. — 2. *А. Г. Гойхбарг*. Пролетарская революция и гражданское право. — 3. *М. Ю. Козловский*. Пролетарская революция и уголовное право. — 4. *Библиография*. — 5. *Отчет Народного Комиссара Юстиции*. — 6. *Отчет Отдела судеустройства Народного Ком. Юстиции*. — *Официальный Отдел*.

Цена 3 рубля.

№ 2.

1. *А. Г. Гойхбарг*. Отмена наследования. — 2. *А. Молочков*. О юридических отделах при районных совдепах. — 3. *Д. Курский*. Заметки о Народном суде. — 4. *А. Р. Кадич*. О Народном Суде (из личных впечатлений). — 5. *Отчет о деятельности местных народных судов гор. Москвы за первую треть 1918 года*. — *Официальный Отдел*.

Цена 2 руб. 50 коп.

№ 3—4 (конституционная книжка).

1. *А. Г. Гойхбарг*. О Советской конституции. — 2. *П. Стучка*. Конституция гражданской войны. — 3. *Д. Ст.* Национальная программа австрийских „левых“ соц. дем. (перевод). — 4. *Проекты конституции Российской Федеративной Советской Республики*. — 5. *Конституция Российской федеративной Советской Республики*.

Цена 3 руб. 50 коп.

№ 5 — 6.

1. *А. Яблоньский*. Конституция труда. — 2. *А. Г. Гойхбарг*. О браках и разводах. — 3. *А. Молочков*. Поступательный прогресс. (О проекте Советской конституции, разработанном Коллегией Нар. Ком. Юстиции). — 4. *Л. А. Соврасов*. Преступление и наказание в текущий переходный период. — 5. *Сперанский*. Народные заседатели. (Личные впечатления). — 6. *О движении дел в Совете Местных Народных Судей и в Местных Народных Судах гор. Москвы с 1-го Янв. по 1-ое июля 1918 г.*

6. *Официальный Отдел*. — Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Разделы I — III.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в Юридическом Книгоиздательстве Народного Комиссариата Юстиции
пл. Революции, 1а. Адрес редакции: Ильинка, 21.

Прием секретаря редакции по четвергам с 12 до 2 ч. дня.

Цена 3 рубля.